

ОГОНЁК
№ 22 МАЙ 1966
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

44-й год издания

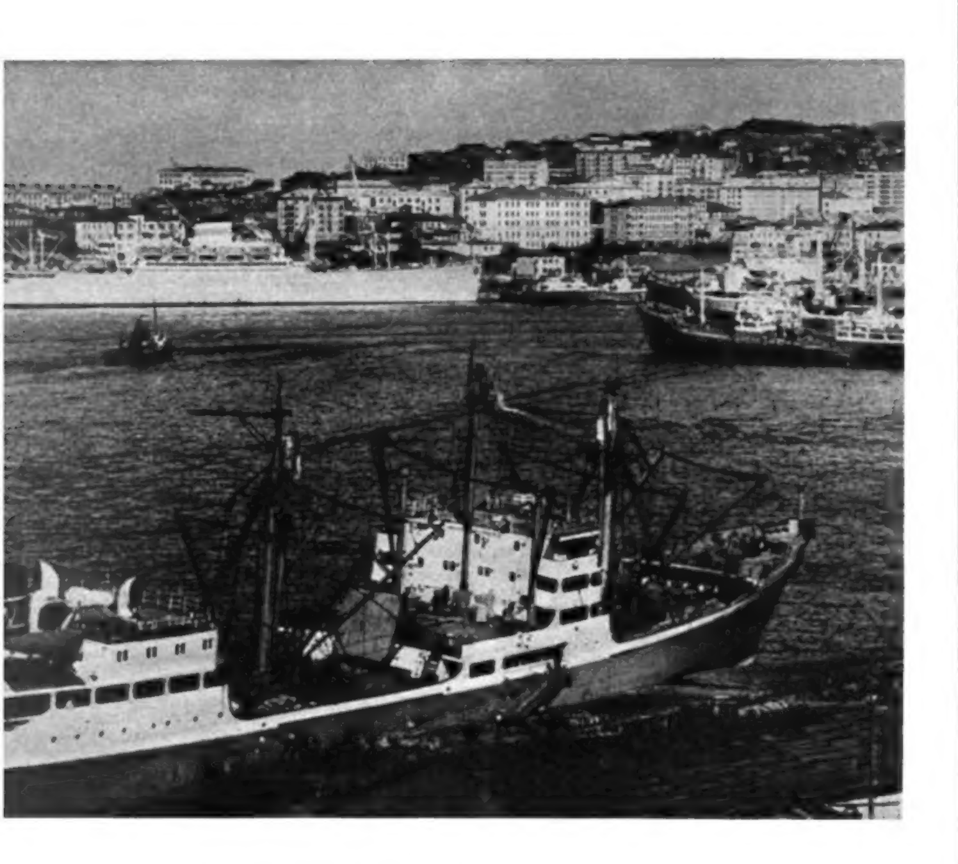
№ 22 (2031)

29 МАЯ 1966

Москва. Красная площадь. 19 мая 1966 года.

Шагает пионерия на параде, посвященном дню рождения Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина и XV съезду ВЛКСМ.

Фото М. Савина.

ОРДЕНА НА ЗНАМЕНАХ

На нашем снимке — Владивосток. Бухта Золотой Рог. На здешнем рейде всегда теснятся суда под самыми разными флагами. Порт на краю советской земли известен морякам всего мира.

Советское Приморье. Этот чудесный край, населенный мужественными и стойкими людьми, очень дорог всему нашему народу.

Ведь Приморье — это первые кружки искровского направления, возникшие в начале нынешнего столетия. Приморье — это алые стяги, поднятые в дни первой русской революции восставшими солдатами над владивостокской крепостью и военными моряками в бухте Золотой Рог. Приморье — это и героическая борьба за власть Советов, борьба, которая длилась пять лет и потребовала немало жертв. Земля героической истории, земля славных революционных традиций...

А ныне Приморье — это передовая индустрия, заметные сельскохозяйственные достижения, успехи дальневосточных рыбаков, моряков, китобоев и, наконец, бессонная служба, которую несут воины, охраняя границы нашей Родины.

И еще Приморье — это стройки, множество строек.

Недавно в Приморье был большой праздник. Солнечным майским днем по улицам Владивостока текли к стадиону «Динамо» колонны трудящихся.

Здесь состоялось торжественное заседание, посвященное вручению ордена Ленина, которым награжден край за достижения в развитии народного хозяйства. Под овации двадцати тысяч участников заседания Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев прикрепил высокую правительственную награду к знамени Приморского края.

В этом году последний месяц весны принес большую радость не только жителям Приморья. В те же майские дни за успехи, достигнутые в развитии народного хозяйства, были вручены правительственные награды Карельской АССР, Ульяновской, Калининградской и Мурманской областям.

На торжественном заседании в столице Карелии Петрозаводске член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров РСФСР Г. И. Воронов прикрепил орден Ленина к знамени республики. Ульяновской области вручил орден Ленина член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, Калининградской области — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. Н. Шелепин, Мурманской области — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко.

Фото Ю. Муравина (ТАСС).

«СИБИРЯК», «ЛЕБЕДЬ» И КОММЕРЦИЯ

Я. МИЛЕЦКИЙ, А. СТАСЬ

Фото А. Гостева.

Синьора переводчица стоит на площадке, отведенной итальянским фирмам на международной выставке «Современные сельскохозяйственные машины и оборудование», раскинувшейся в Москве, на ВДНХ. Синьора рассказывает про подвижную платформу для подрезания деревьев и сбора фруктов, названную «Лебедь». Эта машина-малютка имеет небольшую изогнутую стрелу, которая при богатой фантазии может отдаленно напоминать лебединую шею.

— Платформа поднимает человека на самую удобную позицию для сбора фруктов с любого дерева,— поясняет переводчица.— Все управление машиной находится на рабочей площадке. Синьор Луиджи Фалини может продемонстрировать ее в работе,— заключила переводчица.

Луиджи оказался молодым человеком двадцати пяти лет. Он тотчас же встал на рабочую площадку, нажал педаль, и «лебединая шея» вознесла его кверху. Потом, орудуя педалями, он поворачивал рабочую площадку то вправо, то влево, то вверх, то вниз.

Пожилой мужчина и другой, помоложе, со значком выпускника вуза, забросали синьора Фалини и его переводчицу десятками вопросов, показывающих, что они большие специалисты и в технике и в садоводстве.

— Кто вы по специальности? — удивились синьор и синьора.

— Я председатель колхоза,— ответил один.

— А я главный инженер колхоза,— представился другой.

— Откуда же?

— С Запорожья.

— О! — воскликнула переводчица.— Запорожская сечь!

— Сечь — это уже история,— улыбнулись оба,— а вот колхозы у нас большие и богатые.

Это были Иван Федосеевич Мосейко, председатель колхоза имени XX съезда КПСС, Пологского района, и его сосед Виктор Павлович Степура из колхоза «Дружба». В их хозяйствах большие сады, и такая машина была бы им очень полезна.

— Я бывал на подобных выставках за рубежом,— сказал нам Иван Федосеевич,— но такого количества интересных экспонатов, как на московской, видеть не приходилось.

В павильоне Германской Демократической Республики, втором по величине после павильона СССР, мы повстречали Николая Федотовича Черствого, председате-

Это началось еще в марте, когда два главных города Центрального Вьетнама, Дананг и Гуэ, выразили недоверие южновьетнамскому премьеру Нгуэн Као Ки и отказались подчиниться сайгонскому правительству. Вся власть в этих городах перешла в руки революционных комитетов, в состав которых вошли буддисты, лидеры студенческой молодежи, офицеры мятежного 1-го армейского корпуса, дислоцированного в Центральном Вьетнаме. Вслед за тем под контроль повстанцев перешли почти полностью пять северных провинций Южного Вьетнама.

Около двух месяцев Ки маневрировал, пытаясь потушить пожар недовольства, вспыхнувшего в северных провинциях Южного Вьетнама. Вначале он объявил, что согласен на проведение «всеобщих» выборов и на передачу власти тому правительству, которое будет избрано. Однако затем, испугавшись собственных обещаний, он заявил, что страна не готова к выборам. Чтобы сохранить свою власть, он пытался утихомирить мятежный корпус и назначал на пост командующего корпусом одного генерала за другим. Но все они оказались в конце концов в лагере мятежников. Лидеры повстанцев решительно отказались от компромиссов и требовали одного — отставки правительства Ки. Радиостанции Дананга и Гуэ вели регулярные антиправительственные передачи, называя сайгонское правительство «кровавой кликой, военной антинародной хунтой, диктаторской группировкой». Массовые антиправительственные демонстрации потрясли Дананг,

ля колхоза имени «Правды» на Черниговщине. В сопровождении своих друзей, ставропольских животноводов, он шел от экспоната к экспонату, делая пометки в записной книжке.

— Хороши машины! — пришли они к единодушному выводу, посмотрев свеклоуборочную технику.— Молодцы наши немецкие друзья!

— И сеноуборочная тоже неплоха,— заметили животноводы.— Только производительность, пожалуй, мала...

— Это с какой точки зрения смотреть,— улыбнулся черниговский председатель.

— С нашей, ставропольской! — не без гордости отозвались животноводы.

И они пошли дальше. К венграм, полякам, шведам, американцам...

А нас позвал великан «Сибиряк». Как могучий утес, возвышался он на полигоне, готовый показать свою богатырскую силу. «Сибиряком» назвали красноярские машиностроители свой новый зерноуборочный комбайн. Он прошел испытания и получил положительную оценку. Его испробовал, в частности, известный кубанский механизатор Герой Социалистического Труда В. А. Светличный. Проработав на нем две недели, он заявил, что новый комбайн обеспечивает высокую производительность на высокоурожайных хлебах при минимальных потерях. Особенность «Сибиряка» в том, что его двухбарабанная система позволяет производить двухступенчатую обработку зерна. Эту техническую идею, поданную много лет назад почетным академиком АН СССР В. П. Горячкиным, осуществили конструкторы-красноярцы.

Сибирского крепыша показывал один из его авторов, главный конструктор завода Виталий Прокофьевич Гаврилов. Машиной интересуются наши болгарские друзья: агроном Тодор Киров, инженер Димитрий Найденов — из сельскохозяйственного кооператива имени партизана Войнова и высокий, моложавый Иван Борисов — председатель кооператива из-под Софии.

Вот он, могучий «Сибиряк»!

Пытливо рассматривают посетители машины Польской Народной Республики.

Луиджи Фалини демонстрирует свою машину «Лебедь».

Болгарские земледельцы внимательно осмотрели великана. Потом взревел мотор, и громадина-комбайн вырвался на взрыхленное поле. Он делал круг за кругом, то медленнее, то быстрее, показывая высокую маневренность.

— Замечательно! — восторженно говорит Тодор Киров.— Настоящий сибиряк!

— Он подойдет не только для Сибири, но и для болгарского юга,— поддерживает его Иван Борисов.

А молодой водитель, сидевший за штурвалом чуть ли не на высоте второго этажа, видя восхищенные улыбки на лице гостей из Болгарии, еще быстрее повел своего гигантского коня, потом резко затормозил, и машина как вкопанная застыла на месте.

...Мы продолжаем наше путешествие по выставке. Но теперь наш путь лежит туда, куда нет входа обычным посетителям. Корреспондентские билеты раскрывают нам двери святая святых — здания, на котором вывеска: «Коммерческий центр». Здесь своя жизнь — неторопливая, серьезная, деловая. Судьба экспонатов всех двадцати стран решается в этих кабинетах. На дверях таблички: «Идут переговоры».

Тишина. Но вот раскрылись двери одного из кабинетов, и мы увидели, как дружеское рукопожатие завершило сделку. Станислав Нехватал, Зденек Томашик из Чехословакии и А. П. Кононов, В. Е. Кудрин, представители советского объединения «Трактороэкспорт», заключили контракт о поставке Чехословакии 92 бульдозеров.

— В Чехословакии высоко ценят советские бульдозеры,— сказал нам Зденек Томашик после подписания контракта.

— А мы высокого мнения о чехословацких свеклоуборочных машинах,— услышали мы от старшего механика колхоза «Авангард», Добельского района, Латвийской ССР, Яна Равиньша.

В прошлом году в колхозах Латвии работало 50 чехословацких свеклокомбайнов. И Ян Равиньш благодарит представителя фирмы «Мотоков», продающей эти машины, за их отличное качество.

То и дело раскрываются двери кабинетов: сделки заключены. Страны обменялись техническими достижениями в самой древней, самой мирной и самой насущной сфере человеческой деятельности — в сельском хозяйстве.

Хойан и другие города Центрального Вьетнама. И тогда Ки, заручившись негласной поддержкой США, решил применить силу.

15 мая переброшенные на американских самолетах войска Нгуэн Као Ки вторглись в Дананг. Они с ходу захватили городскую радиостанцию и квартал города, где размещался штаб Первого армейского корпуса Данангского гарнизона. Повстанцы Дананга засели в буддистских пагодах, превращенных ими в крепости. Несколько дней шли ожесточенные уличные бои, но повстанцы продолжали удерживать свои позиции. Нгуэн Као Ки перебросил в Дананг подкрепление — бронетанковую часть, батальон парашютистов, доведя численность своих войск в городе до шести тысяч человек. Повстанцев штурмовали танки и обстреливала артиллерия. «Скайрейдеры» южновьетнамских военно-воздушных сил сбрасывали на пагоды 250-килограммовые бомбы. Дананг был залит потоками крови. Более тысячи убитых и раненых — таков итог действий Нгуэн Као Ки. Под натиском превосходящих сил повстанцы Дананга были вынуждены капитулировать. Войска Ки, контролирующие город, проводят сейчас повальные обыски и аресты.

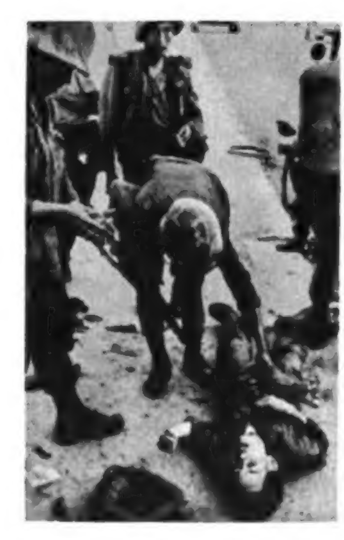
Центр антиправительственных выступлений переместился теперь в бывшую императорскую столицу Гуэ. Город готовится к обороне. Улицы его перерезаны баррикадами. В пригородах стоят танки и артиллерия. Подразделения Первого армейского корпуса и студенческие боевые дружины, подчиняющиеся единому руководству революционного комитета, находятся в постоянной боевой готовности. В городе ежедневно проходят массовые демонстрации студентов, буддистов, женщин, солдат. Демонстранты требуют немедленной отставки правительства Нгуэн Као Ки, протестуют против поддержки, оказываемой США сайгонской хунте.

К антиправительственной борьбе северных провинций Южного Вьетнама примкнуло население Сайгона. Вот уже несколько дней в Сайгоне идут массовые демонстрации. Руководящим центром демонстраций, как и в 1963 году, когда был свергнут диктатор Нго Динь Дьем, стал Сайгонский институт распространения буддизма. Единая федерация буддистов Южного Вьетнама заявила, что буддисты будут продолжать борьбу против военной хунты до тех пор, пока она не передаст власть демократическому правительству. В последние дни в Сайгоне поднялась новая волна антиамериканских настроений. Непосредственным поводом к этому послужило убийство американским солдатом одного из демонстрантов. Наряду с лозунгом «Долой правительство Нгуэн Као Ки!» в Сайгоне все чаще звучит лозунг «Долой американцев!».

Сайгонское радио, выдавая желаемое за действительность, назвало военную победу Ки в Дананге началом конца антиправительственных выступлений в стране. Однако кризис продолжается, и конца ему пока еще не видно. «Пока кровавый диктатор Нгуэн Као Ки будет у власти, мы будем продолжать борьбу» — эти слова радио восставшего Гуэ выражают стремления самых широких слоев южновьетнамского населения.

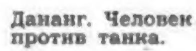
Е. КОБЕЛЕВ

Ханой, по телефону.

Палачи Ки захватили в Дананге повстанца. Через несколько минут он был расстрелян.

Фото ЮПИ

Дананг. Человек против танка.

Наша, выборгская...

Борис КАУРОВ

Нина Александровна Маркова.
Фото Л. Бородулина.

Серый гранит статуи Матери-Родины. Воинское безмолвие рядов, застывших в карауле. Гулкие залпы салюта. Гимн. А вокруг, на холмах братских могил,— первая слепящая зелень.

Тысячи живых — старых и юных — чтят память тех, кто сложил голову в 900-дневной жестокой блокаде. У подножия монумента вырастает холм из цветов. День Победы. День Памяти.

В шеренгах выборжцев стоит невысокая, хрупкая на вид женщина. У нее синие глаза. В чуть заметных складках морщин — светлая росинка. То ли от влажного балтийского ветра. То ли от солнца, вдруг прорвавшего полог невысоких облаков...

Никто не забыт. Ничто не забыто. Живые отдают день павшим. О чем думает сейчас эта женщина? В какие дали уводит ее память отсюда, с Пискаревского кладбища?

Май 1966 года. А за маем придет июнь. Четверть века отделяет нас от июня 1941-го. Вот с него-то и начнется дорога памяти у женщины, стоящей в шеренгах рабочих с прославленной Выборгской, заводской...

В тот год она перешагнула порог семилетки. Пятнадцать лет. Маленькая, с лентами в косичках. Соскочила на трамвайной остановке и вприпрыжку помчалась по Козловской, распахнула дверь своего деревянного домика.

— Молодец, Нинка!— держа в руках ее аттестат, сказал отец.— Теперь пойдешь в десятилетку. Пока я жив, будешь учиться...

«Пока жив»— это так, к слову. А может, сердце-вещун уже что-то подсказало? Через три месяца он, Александр Кузьмич, питерский пролетарий, ветеран гражданской войны, ополченец с Балтийского судостроительного, пал в бою под Лугой. Мать Евдокию Никитичну, работницу со «Светланы», больную, обессилевшую, эвакуировали в Казахстан. В домике на Козловской осталась Нинка. Одна-одинешенька? На всем свете?

Нет, рядом были люди. Был — жил, трудился, воевал осажденный Ленинград. И она воевала. Сперва была курьером в госпитале. От Сосновки через весь огромный город ходила в Смольный. Пакеты в сумке легкие. Может, и двухсот граммов нет. А паек еще легче. 125 граммов блокадного хлеба. Потом стала санитаркой. Сдав смену, шла в свой домик, плюхалась на кушетку. До новой смены. А потом и спать было негде: дом разобрали на дрова. Он сгорел в заводской кочегарке.

Взяли Нину Кузьмину в ремесленное. Теории не было — пошли на «Светлану», прямо в цех, к станкам. Делать снаряды. Хлеба тут давали больше. Но был он тяжким. По десять—двенадцать часов у токарного станка. День за днем. До самого прорыва блокады. А это почти три года.

В 1944-м стало легче. Фронт откатился от города. Завод переходил на мирную продукцию. Токарь Нина Кузьмина освоила новую операцию. Потом вторую, третью... Пятый разряд. Доска почета. Портреты в многотиражке. Наградили медалью. Писали о подвиге. А все было обычно. Работа. Общежитие. Снова работа. Так день за днем...

Повзрослела рано. Но осталась все такой же: худенькой, легкой. Сама потом удивлялась: откуда брались силы, чтобы выжить?

МИХАИЛ ШОЛОХОВ В ЯПОНИИ

Эта встреча произошла в деревне, расположенной к северу от Токио. В гости к японским крестьянам приехал Михаил Шолохов. Советский писатель гостил в Японии по приглашению Ассоциации литераторов этой страны.

Фото Дзи-Дзи — ТАСС.

СЛОВА ДРУГА

В свои семьдесят пять лет Карел Новый, народный писатель Чехословакии, выглядит моложавым, бодрым и очень энергичным.

— Москва настолько ошеломила меня, что просто невозможно в нескольких словах выразить свое восхищение ее неповторимой, своеобразной красотой, ее не похожими ни на одну столицу мира улицами. Москва трудолюбивая. Все в ней движется, строится, начиная от окраин и до самого центра. Я очень рад, что наконец сбылась мечта моего детства и у меня появилась возможность посетить страну, которая дала миру столько выдающихся деятелей культуры и искусства. Через всю жизнь я пронес любовь к русской литературе и изобразительному искусству и хочу своими глазами увидеть места, где жили великие русские классики, в первую очередь Ясную Поляну, посетить крупнейшие художественные выставки в Москве и Ленинграде.

Карел Новый — мастер исторического романа. Советский читатель знает его по двум книгам, переведенным на русский язык: «На распутье» и «Пламя и ветер».

Писателя интересуют места, связанные с историей Великой Отечественной войны. Быть в Советском Союзе и не побывать под Волгоградом и Курском для Карела Нового кажется немыслимым. Он обязательно съездит туда и непременно скажет свое слово в чешской литературе об этих городах, известных всему миру.

Там, в Чехословакии, осталась незаконченной рукопись, которая задумана как книга-репортаж о днях оккупации Чехословакии немецко-фашистскими захватчиками, о непреклонности узников концентрационного лагеря в Верхней Силезии, одним из которых он был.

— Рядом с нами,— рассказывает Карел Новый,— находились бараки советских военнопленных. Нас отделяла колючая проволока, но мы знали друг друга. Русские были мужественными, стойкими людьми. Несмотря на то, что положение их было тяжелее нашего (нам разрешалось получать посылки из дома), они не сдавались и не унывали. Мы получали от них новости о последних событиях на фронтах: каким-то образом им удавалось держать рацию. В советской зоне произошло восстание, которое было жестоко подавлено.

Дружба наших народов скреплена кровью. Самая первая моя встреча в Москве символична! Шофер интуристовской машины, которого прислали за мной на вокзал, оказался командиром танка, одним из первых освободителей Праги.

В. МОРОЗОВА

Впрочем, человек силен не мускулами — душой. Запомнились слова старого мастера, знавшего ее отца, Александра Кузьмича: «В него пошла. Наша косточка, выборгская». А что оно обозначало — сама толком не разобралась. Старики, они всегда мудрено как-то говорят.

На четвертом послевоенном году встретила в цехе крепкого, русоволосого парня. Оказалось: жили рядом, в одну школу ходили. Отец и мать — потомственные мастеровые. У токаря Толи Маркова такая же судьба: ремесленное, блокада. Правда, в 1942-м их завод эвакуировали на Волгу. Но как только была снята блокада, вернулись выборгские ремесленники в родной город. И тут, на «Светлане», свела их судьба: Нина Кузьмина стала Марковой. Родилась дочь Катя. Теперь ей уже семнадцать, девятый класс кончает. Три раза в неделю ходит на завод. Через год с аттестатом зрелости придет, наверное, в цех. Уже с рабочим разрядом. Может, в бригаду к матери попадет.

Так продолжается пролетарская династия Кузьминых — Марковых.

Был я недавно на «Светлане», в том самом тринадцатом цехе, где работает бригада Нины Александровны Марковой. Тут ее выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. За какие заслуги? В цехе говорят кратко: за работу. Немногословен и секретарь цехового партбюро, наладчик электровакуумного оборудования Николай Сергеевич Екимов.

— Знамя из Москвы третий год держим. В этом заслуга и бригады Марковой.

Знамя развернуто при входе в цех. Читаю: «Совет Министров РСФСР и ВЦСПС». Награда высокая. А чем же все-таки отличается Нина Александровна Маркова от других?

В затруднении партийный секретарь: нет в жизни их кандидата чего-то такого, что возвышало бы над другими. В цехе несколько сот работниц. Таких, как Нина Александровна. Несколько десятков бригадиров, таких, как она. К тому же Маркова беспартийная.

— Нина Александровна, она наша, выборгская,— говорит секретарь, считая, что этим все сказано. Слова другие, но смысл тот же, что в емкой, незабытой фразе старого мастера.

Но есть еще память. Давняя. И ближняя.

Давняя начинается с того сорок второго, когда пришла на завод слабая девчушка. Пришла и ни разу не уходила. До нынешних дней.

А ближняя память, она живет в людях сегодня. От станка Нина Маркова перешла на монтаж мощных генераторных ламп. Освоила работу быстро. Потом стали поступать детали все мельче и мельче. Работа становилась ювелирной. И ее освоила. Потом предложили должность бригадира. Под началом сорок с лишним душ, самых разных. За каждую в ответе. Стала учить других. Майя Тенина, Валя Лонь, Люся Щеглова... Сколько их, молодых, прошло через ее школу, школу бригадира! Теперь-то что! Коллектив сложился. Брак — случай редкий. А тогда... Впрочем, хоть и трудновато было, но в последних никогда ее бригада не ходила. А теперь передовая! Сумела незаметно поднять и производительность труда, и качество продукции, и культуру производства.

Ныне потоку Вали Лонь присвоено звание коммунистического. Пять работниц на потоке. И все ударницы, мастера своего дела. За ними идут другие. Крепко берется за дело бригадир Нина Александровна Маркова. Учит других. И сама учится. А это нелегко. Ежедневно — в цехе. Три раза в неделю — на курсах мастеров. По девять часов за столом, в лаборатории, в других цехах. А еще и другая работа — общественная.

И так — день за днем. Год за годом.

Был я и дома у Нины Александровны. Живет она в двухэтажном коттедже на Костромском проспекте. Квартира малая, но уютная, скромная и веселая.

Анатолий Петрович только что вернулся с работы. Теперь он контролер на сборке газовых и паровых турбин на Металлическом заводе имени XXII съезда КПСС. Перешел туда по трудовому призыву. Его личное клеймо стоит на турбинах, ныне работающих в Сибири, в Прибалтике, в Средней Азии. Последняя, десятая турбина только что отправлена на магистраль Бухара—Урал. О ней и сообщает жене Анатолий Петрович.

— А помнишь, я тебе говорила о Наде Аноприенко?— спрашивает Нина Александровна.— Разряд получила. Теперь я за нее спокойна.

Я тоже слышал на заводе о Наде. Пришла она в цех всего четыре месяца назад. А теперь ее уже называют в числе лучших. И мне понятна радость бригадира. Еще одна юная работница выходит в люди...

Катюши нет дома. С ней я встретился возле подъезда. Рослая, статная девушка спешила на практику на родную «Светлану».

Наш разговор незаметно переходит на предвыборные дела кандидата в депутаты. Нина Александровна вспыхнула:

— Сперва, когда я услышала свое имя на собрании, даже не поверила. Все думаю, думаю. Прямо не знаю... Неожиданно все как-то...

В бригаде сорок душ. У будущего депутата — целый избирательный округ, десятки тысяч людей с их разными судьбами. И решать наверняка придется сотни дел, больших и малых. Государственные дела! Это очень сложно.

Нина Александровна Маркова не совершила никакого подвига. И профессия у нее обычная. И заслуги неброские. И фамилия незнатная. Подвигом является самая ее жизнь, как и жизнь тысяч ее товарищей, ее земляков, сверстников и сверстниц.

Но есть у этой женщины то главное, о котором еще тогда, в годы блокады, мудро сказал старый питерский рабочий: выборгская косточка, рабочая!

На таких держится дважды орденоносный завод с весенним именем «Светлана».

На таких опирается колыбель революции — город на Неве.

На таких Россия стоит.

Ленинград.

Завтра конкурс

Итак, долгим ожиданиям наступает конец. Завтра в Кремлевском Дворце съездов в 19 часов III Международный конкурс имени П. И. Чайковского поднимет флаг и возвестит миру о своем открытии.

Его ждали четыре года! С тех пор как прошел заключительный концерт лауреатов II конкурса Чайковского.

Проходил всесоюзный отборочный смотр молодых музыкантов-исполнителей, и слушатели волновались — кому же выпадет честь выступать на III конкурсе Чайковского. Шла в Большом театре опера «Кармен», и в то время, как Хозе — Атлантов угрожал Кармен — Архиповой, зрителей волновала его дальнейшая судьба на конкурсе. Партнерше же предстояло стать его судьей. Ведь в этом году к музыкантам-исполнителям присоединяются и вокалисты.

Четыре года назад, в дни II конкурса, прославленный советский музыкант профессор Генрих Густавович Нейгауз говорил: «Чтобы этот исполнительский конкурс соответствовал полностью своему высокому назначению — имени Чайковского, следовало, на мой взгляд, чтобы на нем были представлены еще две исполнительские специальности: дирижерское искусство и пение. Ведь Чайковский в первую очередь — создатель бессмертных опер и симфоний, а его песенное творчество столь же велико и прекрасно, как у Глинки, Мусоргского, Шумана... Можно ли с достаточной полнотой судить о степени понимания и исполнительского овладения творчеством Чайковского нашей молодежью, не услышав, как дирижер исполняет Шестую симфонию или «Пиковую даму», как певцы поют Татьяну, Лизу, Ленского, Германа или прекрасные романсы?

Я принадлежу к числу музыкантов, которые ждут и надеются, что на следующем, III конкурсе имени Чайковского будут конкурировать дирижеры и певцы, а может быть, даже служители Терпсихоры».

Заветы замечательного педагога и музыканта исполнились — 72 певца мира в этом году принимают участие в конкурсе. Правда, служители Терпсихоры пока вне конкурса; но, памятуя о триумфе советского балета во всем мире, может быть, со стороны хозяев это даже скромней.

Стало традицией — конкурс расширяет свои границы. Если на I в 1958 году состязались только пианисты и скрипачи — 61 человек из 21 страны, то на II приехало уже 131 из 31 страны — прибавились виолончелисты.

В этом году 242 молодых певца и музыканта из 38 стран сообщили о своем желании испытать силы в творческом соревновании. Ну, а самых многочисленных участников — огромную армию болельщиков — ни подсчитать, ни обеспечить билетами оказалось невозможно, хотя конкурс идет весь июнь,— по 4, 5, а то и 7 прослушиваний в день. Будет и такое в середине месяца, когда к виолончелистам и скрипачам прибавятся пианисты и вокалисты. Тогда в Зале Чайковского и Большом зале консерватории музыка Чайковского во всей своей щедрой, многообразной красоте будет звучать с утра и до поздней ночи.

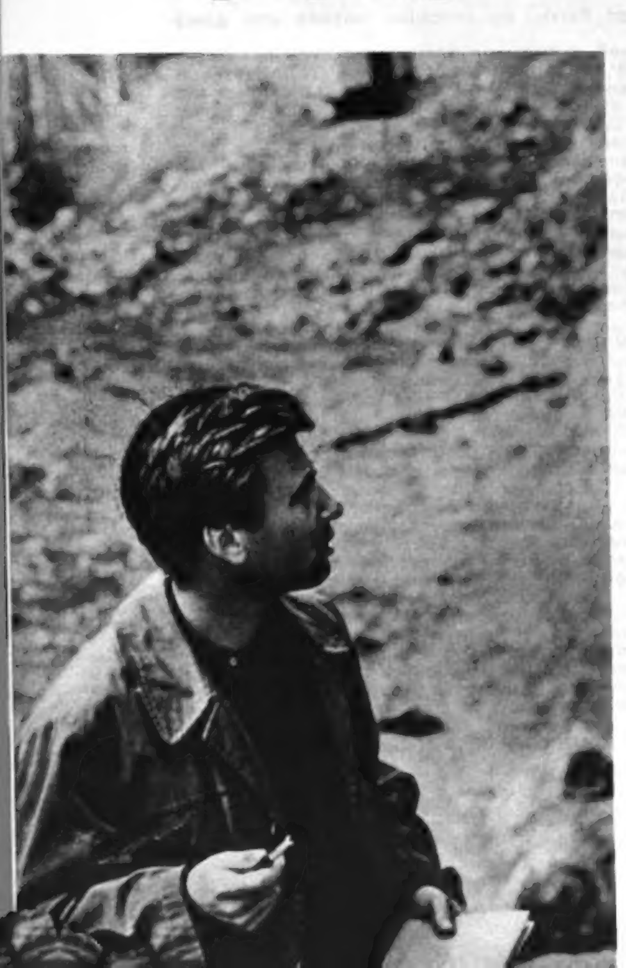
Итак, III Международный конкурс Чайковского начинает свою работу. Газеты, журналы, радио, телевидение, кинохроника мира готовят специальные выпуски. На московскую землю прибывают участники, почетные гости, корреспонденты, кинооператоры, члены жюри. Многие из них третий раз будут заседать в жюри. Председатель оргкомитета конкурса Д. Д. Шостакович говорил: «То, что наши уважаемые члены жюри и гости любезно приняли приглашение оргкомитета и приехали в Москву, я расцениваю как свидетельство высокого авторитета нашего конкурса, как знак уважения к нашей стране, ко всей советской музыке».

А вот что думает об этом известный американский скрипач и педагог, неизменный член жюри конкурса Чайковского Е. А. Цимбалист: «За последнее время число конкурсов невероятно возросло. Но далеко не все они по-настоящему значительны для музыкальной молодежи мира... Думаю, что конкурс имени Чайковского играет очень важную роль в жизни молодых артистов. Недаром все они с таким пылом стремятся попасть сюда. Такое стремление вполне понятно, ибо можно считать, что московское соревнование имеет очень большое значение для дальнейшей артистической судьбы молодого музыканта».

И. ВЕРШИНИНА

Бульдозерист Владимир Гридасов.

ЧТО ТАКОЕ «БРАТС

Е. КРУКОВЕЦ,
сотрудник газеты «Вільна Україна».

Фото А. УЗЛЯНА.

— Ребята наши здорово сдружились на «Дружбе»! — говорит начальник участка Гелярий Калистратович Винницкий.

Всем все понятно: «Дружба» — это нефтепровод, несущий нефть в братские социалистические страны — Венгрию, ГДР, Чехословакию, Польшу. На его строительстве в свое время славно потрудились те экскаваторщики, бульдозеристы, электросварщики, которых мы встретили сейчас в прикарпатском поселке Выгоде, неподалеку от Долинского газопромысла. Отсюда начинается строительство нового газопровода: СССР — Чехословакия. Имя ему «Братство».

Работают здесь четко, почти повоенному. Говорят: «Обеспечить фронт работ». Отдают лаконичные распоряжения. Напряженную деловую тишину нет-нет да и прервет крик в телефонную трубку: «Срываешь ты операцию!» Передвижной вагон, контора участка, своей суровой — ничего лишнего — обстановкой напоминает штабную землянку. И как когда-то на плакатах фронтовых дорог: «До Берлина осталось 637 километров», — так ныне здесь на большом щите: «До сдачи газопровода осталось 436 дней».

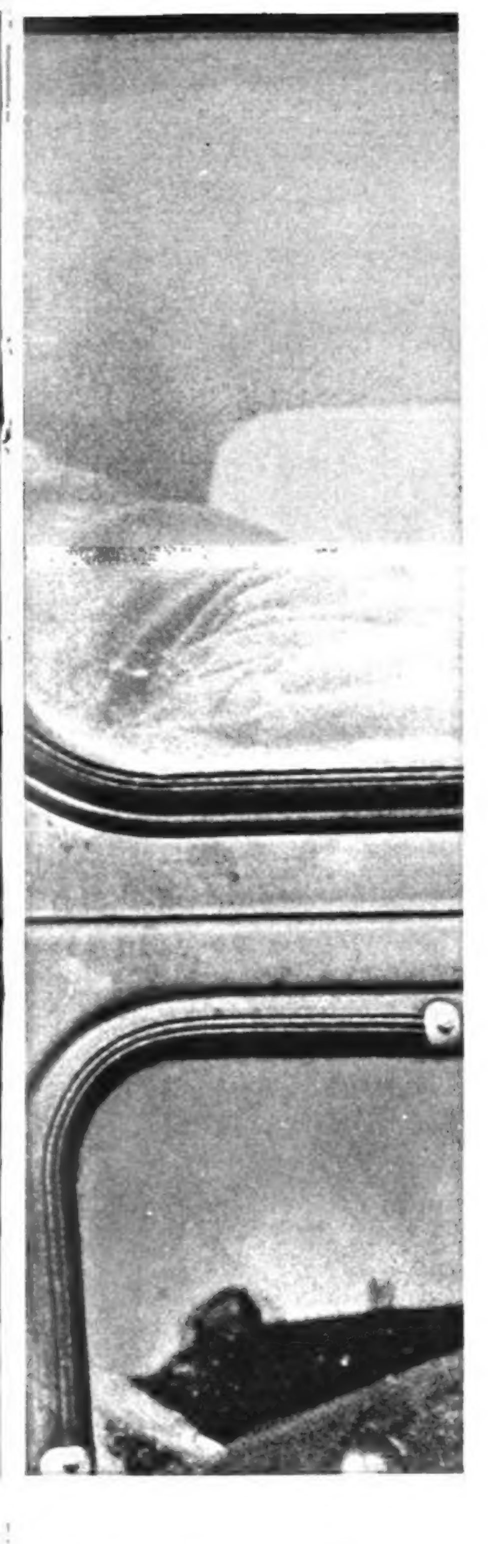
К первому июля 1967 года будут сварены и уложены в траншею последние метры труб у границы с Чехословакией. А сейчас мы свидетели начала наступления. И, как положено, здесь есть впереди идущие. Взрывники. Руководитель взрывных работ горный инженер Анатолий Пономарь взмахивает красным флажком — и тысячи тонн горной породы, громадные валуны, окутанные стеной пыли метров в сто, вздымаются вверх. Это называется рыхлением породы. Иначе как взрывом ее ничем не проймешь.

— Здесь будет полка, — объясняют нам. И тут же решают, что лучше один раз показать, чем сто раз рассказать.

Инженер Виталий Ситницкий.

Самуил Демчук сваривает первые трубы.

Т В О»

«Полка» напоминает обычную полку. Только в горах. Ровная дорога шириной в двенадцать метров, врезанная в крутой склон. Чтобы добраться до нее, мы долго, запыхавшись, карабкаемся в гору. Как же вползли сюда тяжеловесные экскаваторы и бульдозеры? Но вот на наших глазах экскаватор, ведомый коммунистом Федором Янковским, опершись о ковш, осторожно спускается с трехметрового, почти вертикального отвеса. Совсем, как человек, опирающийся на палку. Удивительно точны, рассчитанны движения экскаватора, лихо отбрасывающего в сторону камни и твердую землю. Рядом с Янковским работают коммунисты Дмитрий Лежнин и Владимир Гридасов.

— Горы плачут,— вздыхает старший прораб инженер Виталий Ситницкий, показывая большие влажные пятна на вертикальном срезе горы.

«Горы плачут» — это угроза плывуна. Поползет полка — сам заплачешь. Работа насмарку. Вот и думай, как бы предотвратить. А забот у Ситницкого и без плывуна хоть отбавляй. Получены первые партии труб — нужно организовать их доставку со станции. Пришли новые польские экскаваторы — нужно переоборудовать их применительно к местным условиям. А тут еще с А. В. Грищенко охота доругаться. Есть в Выгоде такой спокойный, уверенный, глубоко уважающий себя человек — директор лесокомбината. Обязался вырубать просеки на трассе. Но не рубит. А в результате будут простаивать механизмы, задержится строительство. Уж всяко пробовали: помогали комбинату механизмами, материалами, спорили, объясняли, писали в высшие инстанции — ничего не помогло! Никак не убедишь Анатолия Васильевича, что строительство газопровода — дело общее, государственное.

Смотрит Грищенко с высоты своего возраста и положения на молодого Ситницного и удивляется: вот настырный человек! И действительно, нет в нем спокойствия, благости. Работал после окончания Казанского химико-технологического института пять лет на хорошем, тихом месте — в конструкторском бюро. В Киеве жил. И вдруг понесло его на стройку. Потрудился на строительстве газопровода в Крыму, а теперь сюда направили. Хлопот — хоть отбавляй, да еще и Грищенко кровь портит. Плюнешь, ей-богу, и потянет назад, в кабинет. Только, похоже, не тянет.

— Я ведь потомственный строитель газонефтепроводов, — улыбается Виталий.— Отец всю жизнь этому посвятил, да и тесть, оказалось, тоже. И знаете, не слыхал я, чтобы строитель свою работу по доброй воле бросал...

А на полке тем временем наступает время обеда. Разворачивают нехитрый харч. На базе, в вагоне-столовой, Катя Горбатова, «стройповар», кормившая в свое время строителей нефтепровода «Дружба», приготовила вкусный обед, только ехать туда долго... Хорошо машинисту экскаватора Дмитрию Лежнину. У него обед семейный: жена, Галина Ивановна, аккуратно раскладывает на камне снедь. Она работает на том же экскаваторе помощником машиниста...

Окончился обеденный перерыв, и мы едем дальше. Встречаем группу рабочих, бредущих вдоль берега с нивелиром. Уточняют место для установки опор — здесь газопровод перебросят через реку. 77 таких переходов через реки и ручьи намечено на трассе, 83 перехода через железные и автомобильные дороги.

...Славное название дали новому газопроводу — «Братство». Ну как иначе назовешь, если одна социалистическая страна помогает другой — сооружает для нее газопровод? Но братство проявляется здесь и в дружной работе коллектива строителей. В том, как плечом к плечу трудятся русский Леонид Абрамов, украинец Федор Янковский, белорус Владимир Якимуш. А если б умели говорить вещи, то, наверно, мы услышали бы такую беседу:

— Здравствуйте, ребята! — Это ленинградский трубоукладчик.

— Дзень добры! — отвечает прибывший из Польши экскаватор.

— Здоровеньки булы! — приветливо поблескивает стеклами окон вагон-душевая, сработанный в Киеве.

Добрый разговор. Все это и есть «Братство».

В день юбилея встретились старые друзья: Алексей Петрович Маресьев, Сергей Петрович Малин и Александр Михайлович Вихров.

Народный герой

Подвиг, совершенный этим человеком, вошел в историю. Имя его стало синонимом несгибаемого мужества, отваги, советского патриотизма. Его знают миллионы людей разных поколений не только в нашей стране, но и на всей планете.

Когда Алексея Петровича Маресьева спрашивают, где истоки его мужества, он, до предела скромный человек, отвечает: «В том, что я сделал, нет ничего необыкновенного. Это подвиг всего моего поколения».

Он рос, воспитывался в наше, советское время. Он прожил жизнь в труде. Он был одним из тех, кто строил Комсомольск-на-Амуре, воздвигал заводы и фабрики, выпускал первые тракторы, осваивал новую технику. Когда грянула война, пошел сражаться с врагом.

Имя Алексея Маресьева звучит на слетах пионерских дружин, на собраниях молодежи. Сотни бригад коммунистического труда числят его в своем составе. В Чехословакии, Венгрии, Болгарии, в Польше мне не раз называли людей, о которых с гордостью говорят: «Это наши Маресьевы!» Я видел, как на конгрессах мира, на встречах с друзьями за рубежом его появление встречали овациями.

Любовь народа к своему герою особенно ярко проявилась в день его юбилея. 20 мая А. П. Маресьеву исполнилось 50 лет.

Множество людей собралось, чтоб поздравить юбиляра. Пришли ветераны войны, представители рабочих Москвы, молодежи, отряд юных пионеров, носящий имя Маресьева, деятели искусств.

Всех взволновала трогательная сцена. Двадцать пять лет тому назад деревенские мальчишки Сережка и Санька после воздушного боя нашли в лесу замерзавшего Алексея Маресьева. Мальчишки спасли ему жизнь. И вот теперь, почти четверть века спустя, в яркий весенний день 20 мая 1966 года, Сергей Петрович Малин и Александр Михайлович Вихров приехали из Новгородской области в Москву на празднование 50-летия героя.

Глазами, полными радости, смотрели они на Маресьева, а он, растроганный, обнял своих спасителей, крепко прижал их к груди.

Борис Полевой, рассказавший о подвиге Алексея Маресьева в «Повести о настоящем человеке», прибыл на юбилей прямо с дрейфующей станции Северный полюс-13. Генерал Е. М. Белецкий, командовавший гвардейским авиационным корпусом, в составе которого сражался Алексей Петрович, однополчане героя говорили о том, что в годы войны ратный подвиг Маресьева, несокрушимая стойкость его души звали солдат в бой. Бойцы армейских соединений и партизанских отрядов, летчица Марина Чечнева и старшина морского десанта Екатерина Демина, присутствовавшие на встрече, снайпер Людмила Павличенко и партизанка Надежда Троян соизмеряли свой тяжкий воинский труд с теми испытаниями, которые пришлось преодолеть ему, Маресьеву.

И пока друзья вспоминали минувшие дни, в зал то и дело входили почтальоны. Они передавали письма, телеграммы, поступавшие со всех концов страны и из-за рубежа.

Все, кто приветствовал Маресьева в день его пятидесятилетия, говорили, что он самый современный человек. После войны Алексей Петрович стал кандидатом наук. Он без устали трудится на общественном поприще: ответственный секретарь Советского комитета ветеранов войны, член Советского комитета защиты мира. Много сил и энергии отдает воспитанию молодежи.

«Наш Маресьев!» — с любовью говорят о нем друзья и соратники.

Добрых вам новых больших и славных дел, дерзаний и свершений, дорогой наш человек!

Михаил КОТОВ

Фото О. Щербакова.

СЕМЬ МИЛЛИОНОВ МЕЦЕНАТОВ

Эльвира ПОПОВА

...Новый квартал постоянно строящегося московского Юго-Запада. В одной из недавно обжитых квартир на стене — картина в белой раме. Нежный, светлый колорит, простой сюжет: «Витька спит». Так называется эта небольшая работа московского живописца Сергея Тутунова. Кто впервые попадает в дом молодой семьи Байковых, поглядев на картину, непременно спросит, откуда она — подарил кто или купили? Но друзья дома уже знают наизусть историю полотна. На единственный билет Первой художественной лотереи, купленный в киоске возле МГУ, Юрий и Зинаида выиграли это великолепное произведение.

Искусствовед Ксения Степановна Кравченко, вручая год назад в праздничном Манеже картину владельцам, сказала: «Вам досталась замечательная вещь. Сергей Тутунов особенно часто пишет детей. Это его любимая тема».

Во многие дома советских людей художественная лотерея вошла добрым товарищем, советчиком, другом.

Благодаря лотерее монтер Ольга Данильцева из украинского городка Ирпень как раз в день своего 19-летия получила палехскую шкатулку «Зорька, Вечерка, Полуночка» — работу художника Ю. Виноградова.

Таню Коломийцеву, одиннадцатиклассницу из Грозного, лотерея поддержала в выборе профессии: «...Картина художницы Э. Прибыловской «Начало весны» мне очень нравится,— пишет Таня.— Я люблю весну, природу, живопись... Мечтаю стать преподавателем литературы и языка. На своих уроках обещаю прививать детям любовь не только к литературе, но и ко всем видам искусства».

В жаркую Среднюю Азию лотерея донесла веяние северной зимы. «Нам было особенно приятно получить картину художника Н. Хана «Зима», так как здесь ее практически не бывает»,— говорят Марцинковские. А их земляк Е. Хасин восклицает: «В нашем солнечном крае «Ледоход» Макарова — да это просто замечательно!..»

В Челябинске библиотекарь Н. Левандовская очень порадовалась «Солнечному дню»: «Холст нравится мне все больше и больше. Это так хорошо — солнечный день... светло, радостно, празднично».

Поселившись в доме, искусство покоряет сердца людей навсегда... Удивительно ли, что почти каждое письмо, присланное в адрес дирекции лотереи, заканчивается пожеланиями: «От души поддерживаем художественные лотереи и будем принимать в них активное участие».

«Буду участвовать и в следующей художественной лотерее, что советую и всем своим друзьям»,— сообщает К. Кетлиав, каменщик из Туркменской республики.

И вот ровно через год уже шагает по нашей стране вторая Всесоюзная художественная лотерея. Зная, как много у нее преданных друзей, доброжелателей и даже поклонников, она действует куда смелее, решительнее, увереннее, чем старшая ее сестра.

Взять хотя бы цифры. В прошлый раз в фонд лотереи было закуплено произведений искусства на 2 миллиона рублей, а нынче — на 3,5 миллиона. Билетов тогда было продано 4 миллиона, а теперь — 7 миллионов. Количество выигрышей увеличено в 10 раз — с 20 тысяч до 208,5 тысячи. Но наверняка для семимиллионной армии владельцев билетов особенно важна вот эта набранная красными буквами строка специальной лотерейной листовки: «Возможность выигрыша возрастает в 6 раз!»

Характер второй художественной лотереи проявил себя не только в выросших цифрах. Прежде всего новые виды выигрышей добавились к прошлогоднему перечню: гарнитуры современной мебели с предметами декоративного убранства интерьера. Какими должны быть пушистый ковер, ваза для цветов, чайный или столовый сервиз, решали художники.

Еще новые выигрыши — книги. Прекрасно иллюстрированные монографии, посвященные прославленным мастерам, творцам разных эпох и народов, альбомы репродукций и комплекты художественных открыток, рассказывающие об истории развития искусства, знакомящие с произведениями, которые вошли в золотой фонд советской живописи.

А разве летом не приятно выиграть путевку и отправиться по ней в Москву, Ленинград, Киев или столицы прибалтийских республик, побывать в тамошних художественных музеях, увидеть воочию шедевры советского и мирового искусства, памятники культуры и архитектуры!

Да, столь большими возможностями первая лотерея не располагала. Надо сказать: было ей куда труднее, как всякому первооткрывателю. Билеты тогда продавались только в городах, где есть отделения Союза художников — не то, что теперь, когда билет можно купить в любом почтовом киоске, в любой театральной кассе районного центра или самого отдаленного рабочего поселка.

Список художников, принимающих участие во второй лотерее, оказался намного длиннее и разнообразнее. Здесь имена Владимира Фаворского, Александра Дейнеки, Георгия Нисского, Николая Ромадина, Валдиса Калнрозе, Лепо Микко, Юрия Подлясского, Татьяны Яблонской, Саркиса Мурадяна, Николая Пономарева, Виктора Цыплакова, Виталия Цвирко, Степана Дудника...

— Мы просмотрели и отобрали сотни, тысячи произведений,— рассказывает председатель Центрального художественного совета второй лотереи Федор Павлович Решетников.— Ни запомнить, ни перечислить их нет никакой возможности. Могу только сказать, что оценивали мы работы очень строго, и есть среди них великолепные. В квартиру к советским людям придут настоящие образцы искусства. Например, несколько жанров А. А. Пластова, народного художника СССР, лауреата Ленинской премии нынешнего года. Две из этих жанровых картин можно было увидеть на выставке в Манеже. А пять или шесть вещей Аркадий Александрович передал нам буквально в последний момент, и на выставку попасть они не успели. Я говорю о них с особым удовольствием, потому что вещи прекрасные!

Как всегда, у Пластова, певца России, и на этих холстах оказалась любимая его Прислониха — небольшое сельцо под Ульяновском. Всю жизнь Аркадий Александрович не устает его писать. Но так зорко умеет художник видеть, что и мы, зрители, глядя потом на его картину, словно смотрим на всю нашу Россию. Перед нами ее покосы, сады, пашни, леса, пастбища, реки, долы... Да еще извечные, нескончаемые крестьянские работы-хлопоты, от которых зацветает и плодоносит земля. «Лотерейные» пластовские холсты невелики: как известно, в фонд лотереи принимаются небольшие картины. А как написаны! Рукой настоящего мастера, с большим чувством, сердечным теплом. Просто и сочно. Я сам мечтал бы выиграть пластовскую работу... Ведь, кроме того, что я председатель центрального жюри второй Всесоюзной художественной лотереи, я еще и владелец ее билетов!..

Совсем уже немного осталось до того дня, когда станут известны счастливые номера. В июне в Центральном выставочном зале — Манеже — состоится тираж. Все будет происходить, как на всякой другой лотерее. Соберется общественность. Билеты тянуть будут дети... Только вот разыгрываться будет, я бы сказала, двойная лотерея — не только лотерея материальных и художественных ценностей, но и лотерея вкусов, склонностей, интересов... Ведь здесь важно выиграть то, к чему лежит душа.

Была ведь такая удача в семье Паршиных. Муж подарил жене на 8 Марта лотерейный билет, и она выиграла на него альбом работ художников Латвии. На графических листах были запечатлены те самые места, где познакомился Николай Паршин со своей будущей женой Надеждой Артемьевной.

Пятилетнему Юрику Жукову художественная лотерея помогла впервые в жизни выбрать подарок для бабушки — нарядное расшитое покрывало...

Произведения искусства, которые хранились в мастерских художников, в фондах государственных учреждений, лотерея привела в наши дома, в нашу повседневную жизнь, чтобы сделать ее богаче, радостнее, гармоничнее. И когда мы с вами покупаем билеты, многие наши живописцы, скульпторы, графики, мастера декоративно-прикладного искусства уже не только подбирают для следующей художественной лотереи вещи из уже готовых, давно выполненных, но и специально создают небольшие, особенно задушевные работы для своего единственного и самого замечательного из меценатов — советского народа.

Г. Нисский. ПРЕДГОРЬЕ

И. Попов. КОЛХОЗНЫЙ БАЗАР.

В. Стожаров. СЕВЕРНАЯ ДЕРЕВНЯ.

А. Грицай. БАКЕНЫ.

ПИСЬМО ИЗ КУЛАРА И ПИСЬМО В КУЛАР

1. ИЗ КУЛАРА...

Здравствуйте, товарищи из «Огонька»!

Очень мы обрадовались вашему «Ву-Ви». Это для нас, романтиков, для нас «дураков» (с точки зрения обывателей).

В 1959 году мы с мужем закончили институты, я — педагогический, он — автодорожный (ныне политехнический) в Саратове. Нас пригласили в Гипрониигаз в Саратове же. Затем судьба бросила нас в Керчь. И никто не верил, что мы стремимся на Север. А мы просились, писали в «Комсомольскую правду», в министерства. Вместе нас не смогли послать. Потом мы писали в Магадан, на Камчатку, в Якутию. И вот нас позвал Кулар. На картах его нет. Здесь очень трудно, но я привезла сюда оптимизм, скопленный за долгие годы. Многие удивляются, что оптимизм этот не иссяк, несмотря на труднейшие условия. Бывает очень тяжело, и все же оптимизм, друзья, побеждает. Живем хорошо. Но есть просьба: если можете, расскажите о саратовцах.

В Саратове, на Шелковичной, 34, кв. 1,— мои родители-пенсионеры с нашим сыном Андрюшкой. Мечтаю, чтобы он с 6 лет овладел английским...

Скоро исполнится 10 лет со дня первого моего свидания с мужем. Оно было в Музее имени Радищева. Чем обогатился этот музей за последние годы? Находится ли в выставочном зале мраморная скульптура Ангела, которую почему-то часто убирали? В этом музее, а также в Филармонии (в реставрации здания которой муж, будучи студентом строительного факультета, участвовал) прошли счастливые вечера мои...

В Филармонии работает ли все еще Деев Евгений Иванович? Он просто пишет там афиши, художник, бывший скрипач, с поврежденной на фронте рукой. Здоровы ли он, сын его Сергей, жена?

Что нового в жизни двух учительниц из школы № 19 (угол Мичурина и Горького) — Катаржиной Анны Николаевны и Соболевой Ольги Алексеевны, у которых на педагогической практике я узнала, что такое трудолюбие. Как хочется рассказать им о своих колебаниях: болит горло, тяжело в школе, и без школы невозможно. Может, все-таки бросить школу? Я физик, смогу устроиться.

И еще просьба: сообщите, правда ли, что Юрий Аранович — дирижер Большого театра? В Саратове мы выбирали концерты, где он дирижировал. Мы были в восхищении.

О, выполните просьбу!

Большой привет из тундры, с 71-й параллели, чуть западнее реки Яны.

Вера НОВОКРЕЩЕНОВА

2. В КУЛАР...

Уважаемая Вера Михайловна!

Редакция поручила мне ответить на Ваши вопросы, и я с удовольствием принял задание, так как предстояла поездка в Саратов. А это мой родной город, из которого меня увезли шестилетним мальчишкой 44 года назад и в котором мне довелось за это время побывать лишь дважды, и оба раза кратковременно: проездом и пролетом.

Шелковичную улицу и Ваш двухэтажный дом на ней я нашел довольно быстро и, войдя в подъезд, постучался в квартиру на первом этаже. На дверях не было номера, но я счел ее квартирой № 1: внизу и слева. На мой стук раздался недобрый стариковский голос:

— Кого там?

— Здесь живут родители Веры Новокрещеновой? (Я ведь не знал их фамилии, Вы ее не указали.)

— Нет тут никаких Новокрещеновых и никаких Вер.

Но сразу же прозвучал другой, на этот раз старушечий голос и совсем иного тоне:

— Ну зачем ты так людям?.. Простите, пожалуйста, вам нужна, наверно, квартира номер один. Она наверху.

Позже мне объяснили эту необычную нумерацию в доме. Сразу после революции его хозяина, сдававшего квартиры внаем, уплотнили, и он поселился на втором этаже, выхлопотав у новой власти в качестве привилегии первый номер для своей квартиры.

На дверном косяке — список жильцов с указанием, кому сколько раз звонить. Не знаю почему, я позвонил Казаковым два раза. И угадал. Дверь открыла Ваша мама. Я сказал, что мне нужны родители Веры Новокрещеновой, что я из редакции «Огонька», и она провела меня в комнату, где возле аквариума сидел Ваш отец и кормил хлебными крошками маленьких золотых рыбок. Чтобы не объяснять долго, зачем я пришел, я протянул ему Ваше письмо в редакцию. Он прочитал его вслух, и мама слушала молча, только раз перебила — в том месте, где Вы пишете про горло.

— Опять болит горло! — сказала она.— Нам-то об этом ни гугу. Застудит она его там окончательно...

А отец сказал, закончив чтение:

— Фантазерка! Всегда была такая. Ну зачем редакцию беспокоить? Ну написала бы мне те же вопросы. Время у меня есть, на пенсии. Походил бы, собрал бы ей ответы. Так нет, надо непременно людей занятых гонять из Москвы в Саратов.

И я решил, знаете, заступиться за Вас.

— Вы зря сердитесь на дочку,— сказал я.— Мы могли бы попросить и кого-нибудь из местных журналистов ответить ей. Но мне захотелось побывать на родине...

— А вы саратовский! Ну тогда другое дело... Но вообще-то она фан-та-зерка! Вот сегодня письмо от нее пришло. И к письму приложена сказка для Андрюшки. Сама выдумала. Хотите прочесть?

Я прочел. Мне понравилось. И поскольку это мое письмо к Вам открытое, с расчетом на публикацию в журнале, я решаюсь опубликовать и Вашу милую сказочку для сына. Не рассердитесь?

«Андрюша!

Звонили мы тут с папой по лесному телефону. Делается это так. У нас, в Куларе, есть радио. Мы пошли туда, сняли телефонную трубку и сказали в микрофон: «Говорит тундра, говорит тундра, дайте тайгу!» Лиса-телефонистка соединяет нас, говорит: «Даю тайгу. Тундра, говорите». Мы говорим: «Тайга, дайте белку, нам надо поговорить с белкой, которая заведует лесным хозяйством». Тайга отвечает: «У нас завхозом медведь Протопопович». Позвали к телефону медведя. Спрашиваем у него: «Нельзя ли, дорогой товарищ, попросить из ваших лесов шишку кедровую с орехами для нашего Андрюши!» Медведь спрашивает: «А что это за мальчик, сколько ему лет и что он умеет делать!» Мы говорим, что это надо у него самого спросить, мы его давно не видели. Знаем, что лепит из пластилина, на лыжах зимой катается. «А умеет ли самостоятельно есть и одеваться? Мы для неумеек не даем шишек. И орешков не даем. Неумейка и разгрызть-то их не сумеет, только сорить будет». Мы с папой заверили медведя, что Андрюша многое умеет, и что он вот-вот научится читать и писать, и скоро сам нам расскажет, что умеет делать. Мы сказали, что Андрюша не видел ни тайги, ни тундры, он маленький и его нельзя брать в такой холод, а шишки ему хочется иметь. Тогда медведь сказал, что он даст поручение своей помощнице белке, чтобы она выделила для Андрюши из зимних запасов четыре кедровые шишки, и запаковала в бандероль, и отправила в город Саратов, на Шелковичную улицу. Мы повесили трубку и ушли домой. Теперь мы ждем сообщения от Андрюши, получил ли он беличий подарок. И чему он еще научился за последнее время! Знает ли, в какую погоду какую одежду надевать! Желаем всем хорошей погоды, отличного настроения, интересных книг и вкусных завтраков. Что еще заказать по лесному телефону!»

Бандероль прибыла, я видел ее, лежит на комоде, поджидая Андрейку из больницы. Утром дед ходил туда, сказали, что рентген хороший, анализ крови тоже, требуются еще несколько анализов—и дня через два, наверно, выпишут.

— Я пришел, а у них, у больных, игра в партизаны, по коридору носятся. Я Андрюшку перехватил, остановил, а он вырывается, кричит: «Пусти, дедушка, у нас самая война в разгаре!» Я сестру спрашиваю: «Послушный он? Лекарства пьет?» «Пьет,— говорит,— только всякий раз спрашивает: горькое или сладкое? И предупредил: «Правду говорите. Если скажете, сладкое, а оно горькое,— никогда больше не буду пить». Зажмурится и любую полынь выпьет». Правдолюбец!

— Животишко болел, а по вечерам личико отекало. Свезли в поликлинику. Надо, говорят, в больницу на обследование положить. Ну как нам самим, без матери, решать такое? Мы ей телеграмму отбили: класть? не класть? Хотели письмом, да сколько ему туда идти, в далищу эту! Долго думали, как телеграмму составить, чтобы не испугалась. Но все равно — мать! Неделю он в больнице, и каждый день от нее то срочная, то «молния». Вот последняя: «Ничего серьезного без меня не предпринимайте случае необходимости прилечу». Господи, да ей лететь-то оттуда с четырьмя пересадками!.. На край света мотнуло, к самому Ледяному океану, куда и ребенка-то взять боязно... Нам внучек не в тягость, только в радость. Да ей-то каково без Андрюшки?

Чувствуете, кто это ворчит? Мама. Она принесла из соседней комнаты толстый, длинный рулон, раскатала его по полу, и огромная карта СССР заняла чуть не всю комнату, пришлось сдвигать к стенкам стол, стулья. Мы встали на колени прямо на карту, мои оказались где-то в Сибири, между Красноярском и Иркутском, я пополз наверх, колени перебрались в Якутию, и на севере ее я увидел бухту Тикси. Когда-то, до войны еще, я бывал в тех арктических краях, плавал на ледоколах, и, помню, мы стояли, разгружаясь, на рейде и к берегу подойти не могли: не было пирса,— а сейчас в Тикси, говорят, большой порт с причалами для океанских кораблей, верно это? Вы не совсем правы, утверждая, что Кулара нет на картах. На маминой карте он обозначен: толстая, толще Москвы, чернильная точка в устье Яны, вернее, в тридцати километрах от устья в сторону Тикси.

— Вот он, Кулар! — сказал Михаил Тимофеевич, показывая не на карту, а на стенку, где висела, я не приметил сразу, цветная картинка под стеклом: чистенький такой, аккуратный поселок в снегу; на переднем плане три одноэтажных, барачного типа, и два двухэтажных, на каменных фундаментах, дома.— Виталий нарисовал и нам прислал. Они живут в этом двухэтажном слева. Виталий и строил. Он в Куларе начальник строительного участка. По жилью. Но электростанция тоже его. И баня... Школы пока нет. Школа за десять километров, в другом поселке. А в Куларе — вечерняя, для взрослых. На общественных началах. Вера организовала... Вот они с Виталием. Последний снимок.

И он положил передо мной фото, на котором Вы нежно чокаетесь с мужем маленькими рюмочками в день его рождения. Вы знаете, мне очень понравился оригинальной конструкции стол, за которым вы сидите. Папа сказал, что Виталий сделал его из фанерных посылочных ящиков.

— Мы посылали им фрукты и ягоды из нашего сада. Вера на всю зиму наварила варенья. А Виталию — стройматериал! Этому парню дай в руки две дощечки и молоток — дом сколотит.

— Ты за зятя горой! — сказала Татьяна Никитична.—А он вон куда женушку завез! На карте не дотянешься.

— Ну, это неизвестно, кто кого завез,— сказал папа.— Она тоже хороша, лягушка-путешественница...— Он помолчал чуточку и вдруг добавил:—А знаешь, что я давно собирался тебе сказать?

— Не знаю.

— Я хочу съездить к ним. И не один — с Андрюшкой!

— Я вижу, что ты долго думал,— сказала мама в сердцах.— И ничего умнее не придумал. Не пущу Андрейку! И не уговаривай. В этакий холодильник мальчонку тащить... Да ты его по дороге сто раз застудишь. За ним в пути да на пересадках глаз и глаз нужен... Если уж ехать,— втроем...— неожиданно закончила она и сама удивилась тому, что сказала.

...Но я еще ни на один Ваш вопрос не ответил. Мне надо в Филармонию, в музей, в школу. В Филармонию я уже звонил. Про Арановича сказали, в Саратове он не долго пробыл, полтора сезона, уехал в Ярославль, а сейчас в Москве во Всесоюзном радиокомитете. Главный дирижер симфонического оркестра. Так что музыкальные передачи с участием Юрия Арановича вы можете регулярно слушать у себя в Куларе.

А Деев — тут, в мастерской при Филармонии. Работает по вечерам, с четырех.

Мастерская — в подвале. Еще на лестнице пахнуло на меня терпким настоем из стружек, красок и клея. Я раскрыл дверь и увидел человека, который, стоя на коленях, выводил по серому загрунтованному полотну большие красные буквы: «Любовь». Это был Деев. Я показал ему Ваше письмо, он прочел его медленно, улыбнувшись разок, видимо, в том месте, где речь идет о нем, и сказал:

— Странно. Мы с Верой Михайловной в переписке. Она прислала мне поздравительную телеграмму к пятидесятилетию. Совсем недавно было письмо от нее. А вчера я ей открытку отправил. Странно...

— Это афиша? — ткнул я пальцем в полотно с буквами, проявляя при этом удивительную догадливость.

— Афиша,—подтвердил Деев.— Любовь Орлову ждем. Москвичи любят выступать в Саратове, любят нашу публику. Знаете, кто весной приезжал? Святослав Рихтер! Два концерта дал. Представляете, что творилось! Афиш не потребовалось. Месяц длилась осада Филармонии, звонили непрерывно. Беда помогла: экскаватор, работавший тут, на площади, порвал кабель. И несколько дней, как раз перед самыми гастролями, телефон молчал. Люди обвиняли нашу дирекцию, что она специально так подстроила... Я был на обоих концертах. Счастье, что здесь служу. Иначе бы не попасть... Сколько народу ломилось! Дверь выставили. Студенты забрались на чердак и слушали концерт через отдушину. Сцена была заставлена стульями, и Рихтер играл в плотном окружении. Чуть не до середины ночи не отпускали. Через главный и служебный подъезды он не смог выйти. Хотели вывести через черный ход, и там густая толпа. Тогда кто-то предложил выбираться через подвальное окно сбоку. И Рихтер уже было согласился: безвыходное создалось положение. Но толпа начала наконец понемножку нехотя растекаться, и артиста, улучив момент, удалось провести к машине.

Я почувствовал, что Деев принадлежит к рассказчикам, которых нельзя перебивать. Вот так, склонившись над афишей и продолжая выводить кистью большие красные буквы, он, как бы между прочим, неторопливо, врастяжечку, расскажет больше и откровеннее, чем если бы я докучал ему вопросами.

— С Филармонией я так или иначе связан вот уже больше двадцати лет. Почти сразу после войны поступил в симфонический оркестр. Говорю «почти», имея в виду, что полгода заканчивал еще музыкальное училище по классу скрипки. Я ведь был призван в армию перед самой войной, с пятого курса... К музыке у меня пристрастие с малолетства. Сколько себя помню, на чем-нибудь да играл. К восемнадцати годам особенно увлекся скрипкой. На одну из получек купил скрипку, простенький, недорогой инструмент, но очень, знаете, хорошего звучания. Игре на скрипке мне моя профессия токаря не мешала, я берег пальцы... Скрипку взял с собой в армию. Я служил в Забайкалье. В инженерные войска я попал. Сапер. Руки стало сложнее беречь, но со скрипкой не расставался. Выступал на вечерах красноармейской самодеятельности... В самый канун войны, за несколько дней до нее, нас погрузили в эшелон и повезли куда-то на запад. Война застигла в пути. Мы как раз к Саратову подъезжали, моему родному городу. Стояли здесь ночь. Отец с матерью не знали, что я рядом, а мне нельзя было к ним. Я решил оставить скрипку в Саратове. Дежурный по станции обещал передать ее моим родным. Он сдержал слово.

В дело наша саперная часть вступила под Смоленском. Может быть, вы слышали про Соловьевскую переправу через Днепр? Немцы несчетное число раз крушили ее с воздуха, и мы столько же раз восстанавливали — с правого берега на левый. Там меня контузило — мина разорвалась на бруствере. Две недели ничего не слышал, даже близкого разрыва бомб... Потом, отступая от Днепра, клали бревна через болота. Чтоб пехоте выйти из окружения. Тонул, выкарабкался. Залетной пулей ударило по левой руке, сухожилия перебило. Снова тонул и уж еле-еле вылез из трясины. По всему телу страшная простуда выступила, особенно на ногах — нарывы, чирьи. Ходить не мог. Под Вязьмой уложили в полевой госпиталь. И тут — десант немецкий. Выбирались кто как мог. Я до Можайска — на костылях. Поезд шел, раненых собирал... Долго не заживала рука, мыкался по госпиталям. Зажила чуть — в саперный батальон. И снова был я на Соловьевской переправе через Днепр, только уже с левого берега на правый.

Кончилась война, вернулся домой, там ждала меня сохраненная родителями скрипка, я завершил свое музыкальное образование в училище и был принят в симфонический оркестр при Филармонии... У скрипача обе руки заняты примерно одинаково, у левой нагрузка, пожалуй, чуть даже больше, у пальцев, во всяком случае,— они непрерывно в движении, они должны быть гибкими, чувствительными к инструменту. Моя левая, раненная, с перебитыми на войне сухожилиями, сперва побаливала терпимо, а потом все сильней и сильней, не выдерживая нагрузки на репетициях и концертах. К концу выступления пальцы немели, бастовали, не желая мне подчиняться. Боль, ломота на сгибе кисти, в суставах становилась невыносимой. Я пошел к врачам, прописали массаж, всякие втирания—не помогло. Я старался преодолеть боль, ничем не выдавать ее внешне, но главное было не в боли, страшное было в том, что рука не слушалась меня, пальцы были чужими и я играл все хуже и хуже. Товарищи по оркестру, дирижер, видя это, старались щадить мое самолюбие, но я-то понимал, что выпадаю из оркестра...

Я не сказал вам, что с детства, кроме музыки, у меня было еще одно увлечение — живопись. В школе оформлял стенные газеты, разные выставки. В армии, на фронте, когда мы стояли на переформировании, был полковым художником, плакаты рисовал... Закончив после войны музыкальное училище, я сразу поступил в художественное. И к моменту, когда я был вынужден покинуть оркестр, у меня в руках, вернее, в правой, здоровой руке, оказалась вторая профессия. В дипломе, полученном мною, значится: «Художник-исполнитель или преподаватель рисования в средней школе». Ну, к преподаванию у меня никогда не было тяги. Я это не умею, не получается... Был ряд предложений, приглашали оформителем в парк культуры и отдыха. Но я решил остаться в Филармонии, ближе к музыке. Из концертного зала, со второго этажа, я спустился в подвал, в мастерскую. Я перестал быть профессиональным музыкантом, но музыка — со мной.

Дома, когда не болит рука, музицирую на старой своей скрипке. Теперь мы на ней вдвоем играем. Сережка, сын мой, учится в музыкальной школе, у него своя скрипка, но он любит мою, старенькую... Похвастаюсь уж, скажу, что и рисует он, по-моему, неплохо. Выставка тут была детских рисунков. Сережины акварельки отправили в Москву...

Из Филармонии — в музей.

Вас волнует судьба мраморного Ангела.

— Это основано на недоразумении,— сказали мне в музее.— Ангела мы не трогали, никуда не убирали. Правда, закрывали както полотном, когда в этом зале располагалась тематическая выставка. А вот сейчас собираемся переставить в другое место. И это довольно трудоемкая операция. Ангелок весит две тонны...

Должен сказать, что сама по себе эта скульптура, с которой у Вас, видимо, связаны милые сердцу воспоминания, не принадлежит к лучшим экспонатам музея. Музея, в котором есть действительно шедевры. Я не буду их перечислять. Вы сами знаете, чем богата саратовская коллекция. Но Вы не знаете, чем она пополнилась недавно! Переведите дыхание: Гойя! Да, предполагаемый Гойя... Но откуда? Каким образом? Сейчас расскажу.

Последние пятнадцать лет реставрационными мастерскими при музее заведовал Николай Михайлович Гущин. Вы, вероятно, встречали в залах высокого, сухопарого старика в неизменном синем берете. Может быть, Вам и биография его известна. Он приехал в Саратов вскоре после войны из Парижа: попал за рубеж не с белыми, а уходя от белых. Колчаковцы, захватив один из сибирских городов, взорвали памятник борцам революции, который был воздвигнут на центральной площади по проекту молодого художника Гущина. Его искали, чтобы исполнить заочный приговор Колчака: смертная казнь через повешение. И вот, скрываясь от белой контрразведки, он перешел границу Китая... Возвращение его на родину затянулось по воле обстоятельств на долгие годы. Он жил в разных странах, азиатских и европейских. Он много писал, стал довольно известен. Картины его — в галереях Рима, Лондона, Парижа. Это художник своеобычной манеры, резко отличимый от других. Я видел его полотна, и мне трудно передать впечатление. Наверно, я скажу непонятно: кисть его музыкальна, картину не только видишь, но как бы и слышишь. Некоторые работы так

и называются: «Моя симфония», «Лунная соната». В юности, рассказывают, он собирался стать музыкантом, играл на виолончели. Но случайное ранение левой руки на охоте (вспомним Деева!) привело его не в консерваторию, а в школу ваяния и живописи. Он учился вместе с Маяковским... Вернувшись на родину, выбрал местом жительства Саратов. Был одинок. Те, кто навещал его дома, говорят, что все имущество старика составляли картины. Собственные, принадлежащие его кисти, и приобретенные за границей. Свои работы Николай Михайлович дарил, раздавал музеям, частным лицам. Бессребреник, он жил на зарплату, которую получал как реставратор. В прошлом году Гущин умер. Все, что ему принадлежало, он завещал музею. Так в зале на втором этаже появился «Мужской портрет» Гойи. Маленькая, в три ладони, картина...

...Мне осталось ответить еще на один Ваш вопрос. Об учительницах, у которых Вы проходили практику.

Они в той же школе, в 19-й.

Анна Николаевна Катаржина, преподавательница физики.

Ольга Алексеевна Соболева, преподавательница химии.

Как и дома у Вас, как при встрече с Деевым, я протянул им для начала разговора Ваше письмо. Прочли.

— Новокрещенова... — сказала Анна Николаевна.— Не помню такую.

— И я не помню,— сказала Ольга Алексеевна.

— Она урожденная Казакова,— внес я ясность.

— О!—воскликнула Анна Николаевна.— Вы так бы ее и назвали сразу. Верочка Казакова! Очарованная душа... Вы помните ее, Ольга Алексеевна?

— Веру Казакову я помню. Она практиковалась у меня в воспитательском классе. Чудесная девушка!

— Очарованная душа! — повторила Анна Николаевна.— Другого слова не могу подобрать. Всем, что делает, чем занята, очарована. Я вам сейчас покажу...— И она вышла в соседний кабинет.

Вернулась с кипой белых листов, разложила на столе. Чертежи, схемы. Часть — тушью, многие — в краске.

— Верочкина работа. Структуры различных кристаллов. Начертила, нарисовала для нашего кабинета физики. Сколько вечеров просидела! Никто не просил, не обязывал. Я восьмой год пользуюсь этими пособиями. Если б каждый студент-практикант оставлял по себе такую память в школе!..

— Жалуется на горло...— сказала Ольга Алексеевна, заглянув еще раз в Ваше письмо.

— Обычная наша, профессиональная беда. У меня всякий раз после каникул, после отдыха, горло садится. Сипишь на уроках, как последний пьянчужка. А потом входишь в норму и опять соловьем поешь. Вы мне дайте, пожалуйста, Верин адрес. Рецепт пошлю, есть хорошие полоскания... А школу ей бросать нельзя. Рождена для школы...

— Она и в самом деле прирожденная учительница,—сказала Ольга Алексеевна.— Месяц только провела у меня в классе, а как к ней ребята привязались! Я даже ревновать начала.

Я решил, что Вас слишком уж захваливают, и к тому же у меня еще не было материала для ответа на Ваш вопрос. Поэтому я сказал:

— Вера Михайловна интересуется, что нового в вашей жизни?

— Нового? — переспросила Анна Николаевна.— Стареем... Впрочем, у Ольги Алексеевны большое новое. Она стала заслуженной учительницей РСФСР.

— Этой новости уже год. А вот у Анны Николаевны совсем недавно дочь вернулась из Индии...

— Но это же дочь, а не я возвратилась... Вы не уходите от ответственности, Ольга Алексеевна. Расскажите, сколько писем пришло в связи с присвоением вам звания.

— Письма были...

— И очень много от моряков.

— Я окончила институт в портовом городе, в Николаеве. Вышла замуж за военного моряка, уехала с ним в Кронштадт. У меня сохранились пропуска в крепость и отдельно на «Октябрьскую революцию». Линкор был такой, линейный корабль. Громадина. Весь флот «Октябриной» называл. Я там химию и географию читала комсоставу. По вечерам за мной, молоденькой учительницей, приезжала легковая машина, привозила на линкор, а после занятий отвозила домой. Я тут перебирала на досуге старые бумаги и нашла расписание уроков на «Октябрине». Подписано старпомом Птоховым. Я помню его, очень был строгий. В войну, кажется, стал адмиралом. Был такой случай. Сидели мы в перерыве между занятиями в кают-компании. Пол, извините, палуба была надраена — видите, я еще не забыла морского словаря — до сверкания, так что глазам глядеть больно. И вот кто-то из командиров пошутил. «Вам бы,— говорит,— барышня, танцы откалывать на этой гладкой палубе, а не про аш-два-о рассказывать...» Ужасно я, дуреха, обиделась, вскочила, выбежала из кают-компании. И Птохов, старпом, наказал того веселого морячка: неделя без увольнения на берег. А моряку на стоянке оказаться «без берега» нет ничего горше. И из-за кого? Из-за какой-то девчонки. До сих пор совесть грызет: из-за меня так человек пострадал... Но о чем это я вам? Нужно про новое, а я про старое...

— Запишите новое в нашей жизни,— сказала Анна Николаевна.—В этом году школа выпускает восемь классов! И у нас с Ольгой Алексеевной все восемь выпусков. Представляете, нагрузочка!

Я представил. И при такой нагрузке не мог больше удерживать двух учительниц. Мы попрощались.

...Вот, кажется, я и выполнил задание. Честно. Ответил на все Ваши вопросы. Но, похоже, кое-что Вы и без меня уже знали. Например, про Деева, с которым Вы в переписке. Догадываюсь: Вам просто хотелось, чтобы было рассказано о хороших людях, живущих в Саратове. Это Ваша маленькая хитрость. Думаю, что она простительна. Потому что она добрая...

Кланяйтесь Вашему мужу.

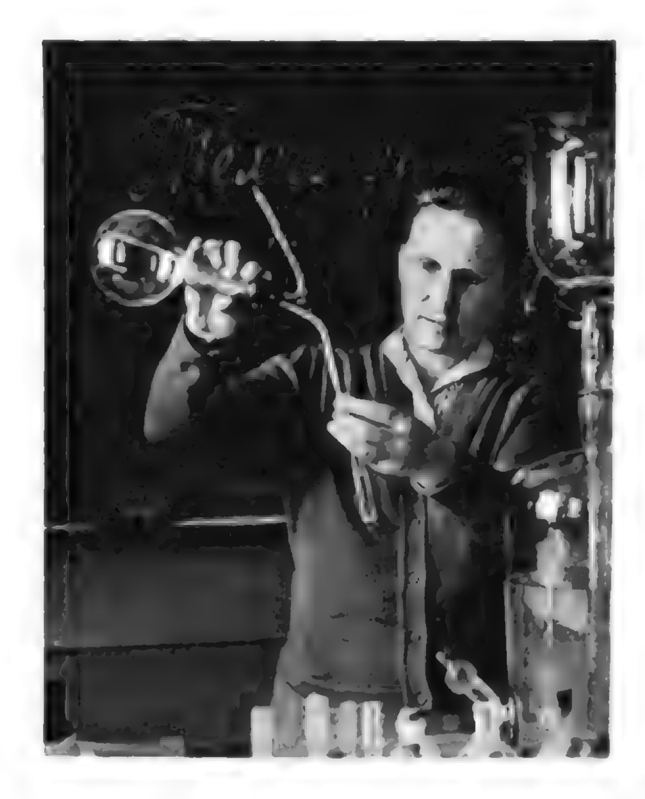
Желаю всего хорошего.

С приветом
А. СТАРКОВ.

Андрюша сейчас чувствует себя хорошо — фотообъектив не даст соврать. Это он в саду на даче с дедом и бабушкой.

Фото И. Тункеля.

Ольга Алексеевна Соболева — заслуженная учительница РСФСР.

Еще одна афиша Евгения Ивановича Деева.

Ко Дню пограничника — 28 мая

ТИХАЯ ЗАСТАВА

Специальные корреспонденты «Огонька» Владимир ЕРМАКОВ и Дм. УХТОМСКИЙ ведут репортаж с борта пограничного сторожевого корабля.

Пограничников у нас любят все. Да и как можно иначе относиться к тем, кто охраняет твой покой?

Мы на дозорном судне. Наши фамилии записаны в судовой журнал. Таков порядок, тем более на границе. До выхода в море еще добрых два часа. Команда отдыхает. Командир корабля офицер Аркадий Иванович Зудин устроил для нас небольшую экскурсию.

— Сторожевой корабль — это пограничная застава в море, в любую минуту должен быть готов к команде: «В ружье!»

Мы с уважением посмотрели на эти «ружья». Реактивные установки, зенитные пушки, глубинные бомбы.

— Реактивная установка, — рассказывает Аркадий Иванович,— предназначена для борьбы с подводными лодками.

Рядом с установками зенитные пушки выглядят игрушечными.

— Мал золотник, да дорог. Эти свое дело сделают, если потребуется,— говорит командир.— Для пограничной службы мы обеспечены всем необходимым оружием. Наше судно еще не самое мощное и лучшее. В части есть сторожевики побыстрее нашего и с вооружением посолиднее.

Подходит время выхода в море. Искоса поглядываю на командира. Нетороплив, даже медлителен.

Наконец звучит команда готовиться к выходу.

Мы опомниться не успели, как судно отошло от причала. Так, должно быть, заводится милицейская машина, отправляясь на срочное задание, или «Скорая помощь», или пожарный автомобиль.

И вот долгожданное: «Полный вперед!» Задрожала палуба, вскинулся за кормой белый бурун. Теперь было все: и быстрый ход, и ветер в лицо, и соленые брызги.

За всю свою службу этот экипаж не задержал ни одного нарушителя.

— Наш район тихий,— объяснил командир.— Здесь если и встретишь судно, идущее неизвестным курсом, то обычно это кто-то заблудился, потерял ориентировку.

— А вдруг?..

— Не волнуйтесь. Такие суда мы тщательно осматриваем. Это раньше говорили: «Судно в море, что иголка в сене».

— Слева по курсу плавающий предмет,— слышится голос сигнальщика.

— Вижу плавающий предмет! — отзывается командир.

Мы тоже видим — обыкновенное бревно в стороне от нашего движения.

— Зачем о таких мелочах докладывают?

— А «вдруг», как вы говорите,— смеется Аркадий Иванович.— С этими бревнами порой такая морока бывает, особенно в шторм. Иногда по три раза одно и то же проверяешь. Всякое может быть.

Корабль между тем все дальше и дальше отходил от берега. На палубе, кроме командира и нас, остались лишь вахтенные.

И вдруг...

Резкие звонки боевой тревоги. Минута — скинуты чехлы с реактивных установок и пушек. Лязгнули затворы, взметнулись вверх и очертили дугу спаренные стволы — это комендоры проверяли готовность орудий. И все замерло.

— Отбой!

Так же быстро все было приведено в прежнее состояние.

Это было проделано столь неожиданно и красиво, что мы даже переглянулись: уж не почудилось ли?

Да, но как же без нарушителей? «Нет в репортаже гвоздя»,— говорит в таких случаях один наш знакомый журналист. Но, с другой стороны, быть может, в этом и гвоздь их жизни — отсутствие всякого детективного гвоздя. Они всегда начеку, всегда готовы к любым неожиданностям. Попробуй кто сунься на участок, где патрулирует такой сторожевой корабль с таким экипажем! Не потому ли и район тут тихий?

...Еще дважды звучал сигнал боевой тревоги, и все происходило столь же стремительно, как в первый раз.

— Почему так часто?— спросили мы у Зудина.— Район-то тихий.

— В тихом районе порой бывает, как в тихом омуте,— отшутился он.

...Догорая закат. На берегу наступал шумный курортный вечер, а пограничников в открытом море ждала ночь, бессонная, рабочая ночь тихой морской заставы.

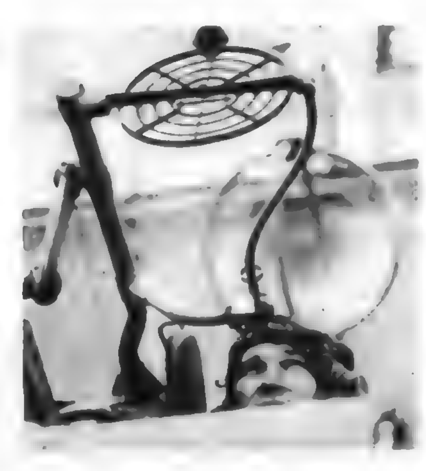

Перед плаванием.

Командир корабля офицер А. Зудин.

Комендор зенитной пушки.

Боевая тревога.

Здесь родился цейлонский писатель Мартин Викрамасинге.

Всеволод КОЧЕТОВ

В ДОМЕ МАСТЕРА

Из книги о Цейлоне «Остров бурь»*.

Рисунки В. Трофимова.

1

Лил шумный цейлонский дождь. Не знаменитый «тропический ливень», с любовью и прилежанием воспроизводимый американскими кинорежиссерами и европейскими романистами, при котором и в самом деле с улиц смывает не только людей, но и автомобили и даже дома, а именно дождь. Тугой, плотный и в отличие от наших худосочных, вялых северных дождишек насыщенный яростной энергией, взятой у океана.

Дворники «Москвича» изо всех последних сил скребли ветровое стекло перед глазами Владимира Павловича, тщась суетливыми пригоршнями резиновых щеток расчерпать толстые слои пенящейся воды.

Владимир Павлович Байдаков не раз бывал в этом пригороде Коломбо и все же в потоках дождя, в быстро идущей вечерней темени никак не мог решить, в какую из улочек должны мы съехать с шоссе. Все они одинаково узкие, все валятся под уклон в непроглядно черную тьму, и все скрыты дремучей зеленью пальм, бананов, папай, цветущих кустарников, от которых пахнет с такой массированной силой, с какой могло бы пахнуть только в оптовом складе парфюмерных товаров.

Несколько раз съезжали в те улочки, которые Владимиру Павловичу казались сколько-нибудь знакомыми, столько же раз выбирались обратно на шоссе, но Владимир Павлович не сдавался и упрямо нащупывал радиатором «Москвича» нужное направление.

В конце концов, сделав два или три замысловатых зигзага среди тесно столпившихся строений и изгородей, остановились у самого входа в дом, увитый ползучей зеленью. Возле порога, простирая над нами купол большого полосатого зонта, нас встретил тот, к кому мы и ехали,— господин Мартин Викрамасинге.

До этого вечера я не был знаком с крупнейшим писателем Цейлона, хотя несколько лет назад он гостил у нас в Советском Союзе, выступал на Третьем писательском съезде СССР, а позже опубликовал интересную книгу «Расцвет Страны Советов», основанную на материалах своей поездки.

Мы устроились, если пользоваться общепринятой европейской терминологией, в гостиной его дома — в просторной, полной воздуха комнате, одна из стен которой (две большие застекленные рамы) была раздвинута на полный размах, и прямо оттуда, из зелени, омываемой дождевыми потоками, к нам входило влажное тепло.

Стучал дождь в крышу; на высокой подставке, разгоняя своим ветром москитов, шумел вентилятор — фен, а на приземистом столике, вокруг которого мы расположились в креслах, призывно пестрели этикетками веселые бутылки разных форм и размеров.

— Вот ведь погода...— сказал хозяин.— Кости ломит. Не выпить ли нам виски или джина? Вы что предпочитаете?

В строю бутылок различались и такие, в которых содержался арак—крепкое, желтоватое по цвету цейлонское питье, перегоняемое из тодди — побродившего сока соцветий кокосовой пальмы.

— Арак, конечно,— ответил я.

— Правильно,— одобрил хозяин.— Чтобы узнать незнакомую тебе страну, мало ходить по ее музеям, храмам и библиотекам, надо есть пищу, которую каждый день потребляет народ этой страны, надо пить ее напитки, надо воспринимать страну не только глазами и слухом, но и чувствовать на вкус, на запах, надо, чтобы весь ты участвовал в процессе познания. Что касается меня, то в Москве я пил водку, замечательную русскую водку.

Я всматривался в сухое смуглое лицо хозяина, будто вырезанное из темного полированного дерева, в его высокий лоб под отступившей назад белой шевелюрой, в его глаза, в которых то и дело, сбегая к губам, вспыхивала улыбка много повидавшего, много изведавшего, большого человека.

Разговор пошел о литературе, о нашей, русской, советской, и о цейлонской, о Льве Толстом, Горьком, Чехове. Под шум дождя беседа текла неторопливо, вращалась все время вокруг этой неисчерпаемой для нас темы. И чем дальше, тем больше становилось нам обоим ясно, что на Цейлоне до крайности слабо осведомлены о современной советской литературе, а у нас, в Советском Союзе, почти не знают современной литературы Цейлона.

Почему? Причины вполне очевидны и достаточно просты. Издатели из капиталистического мира почти не переводят на европейские языки произведения писателей-цейлонцев — сингалов и тамилов. А прямо с сингальского или тамильского мы переводить только-только начинаем, поскольку людей, не просто знающих эти языки, но и способных осуществлять литературный перевод с них на русский, у нас пока что один-два, не более. У цейлонцев же таких, кто мог бы переводить с русского на сингальский или тамильский, и вовсе еще нет: советская литература приходит на остров лишь в переводах на английский. И хорошо, если это переведено у нас — добросовестно, непредвзято. Но таких книг невообразимо мало. А то, что соизволит перевести с русского на английский капиталистический мир, оно будет так подобрано и отобрано, что может создать — и создает — самое превратнейшее представление о нашей литературе. Капиталисты-издатели если издают, то издают только кое-что из русских классиков, стараясь представить дело так, будто бы после них в СССР и литературы-то никакой не было и нет; а если издадут современное, то непременно такое, которое по возможности оттолкнуло бы зарубежного читателя от нас. Это будут «Иваны Денисовичи», «Киры Георгиевны», потерянные мальчики и девочки, таежные одиночки, то есть отбрасывающая на полсотни, а то и на сотню лет назад третьестепенная литература, после которой вновь надобны книги, подобные книгам Горького, Серафимовича, Гладкова, Фадеева, чтобы вновь выбраться на дорогу социалистического реализма. Из нашего современного капиталисты издают главным образом то, от чего пахнет вдруг нео-Арцыбашевыми, неографами Амори, нео-Вербицкими и всяким иным нео-старьем.

Мартин Викрамасинге — выдающийся мастер слова, один из зачинателей современной, новой цейлонской литературы, ее патриарх. А что знаю о нем я?

Да, конечно, я о нем знаю. Знаю, например, что родился он в 1891 году, что учился в Коломбо, где примкнул к кружку прогрессивной интеллигенции, выступавшей за возрождение национальной культуры, что начал печататься в 1910 году, автор десяти романов, нескольких сборников рассказов, трех пьес, многих работ по вопросам литературы и культуры Цейлона. Знаю названия его романов: «Мираж», «Сита», «Времена богини Кали»,

* Полностью будет опубликовано в журнале «Октябрь».

«Меняющаяся деревня»... Но это же все из энциклопедических словарей (спасибо им), из немногих, весьма-таки скудных статей и газетных заметок. Понятно, это тоже кое-что составляет и кое-что означает. Но о писателе по-настоящему можно узнать вовсе не из того, что пишут о нем, а по его собственным книгам, по тому, что пишет он сам. А что я смог прочесть, переведенное на русский язык? Повесть «Грязный остров», выпущенную у нас в 1959 году под названием «Тайна Змеиного острова», и годом раньше вышедшую книжечку рассказов. Притом и переводы тех книг не больно хороши и примечания к тексту такие, что способны лишь сбить читателя с толку. Слово «игуана», скажем, было бы и без пояснений понятно любому, кто хотя бы лет семь учился в школе и знакомился по учебнику с миром животных. Но вот в книжке рассказов читателю объясняют: «Игуана. Плод с чешуйчатой кожурой, напоминающий ананас». Даже не встретив на дороге эту игуану, как встретили мы ее недавно, путешествуя с Питером Кейнеманом, можно припомнить по вышеупомянутому школьному учебнику, что это не плод все-таки, а ящер. А если и плод, то плод полнейшего небрежения в работе. Или что дает пояснение: «Кадян. Дерево с крупными листьями»? И наш клен и наш каштан — деревья с крупными листьями. Что же, они родные братья с кадяном? Ведь жил же в Швеции великий систематик животного и растительного царств Карл Линней, обратиться бы к нему, назвать семейство, род, вид, к которым принадлежит кадян, и читатель получил бы отчетливое представление об этом тропическом дереве. Все знать, конечно, невозможно, и все же коэффициент незнания, когда представляешь читателю жизнь другой страны, надо сводить до минимума. В горьковской газете я прочел однажды заметку за подписью научной сотрудницы о том, как в Горьком в дар с Цейлона получили книгу одного из цейлонских авторов. Научная сотрудница сообщает читателям газеты, что книга написана на языке хинди, что издана в городе Марадане и принадлежит перу известного цейлонского горьковеда. Я знаю автора этой книги. Уж если кто и горьковед на Цейлоне, то это совсем не он. Горького он помянул в своей книге попутно, путешествуя по нашей стране. Притом, если бы ему сказать, что он пишет на хинди, автор здорово бы повеселился, так как родной его язык сингальский, как и полагается сингалу. А что касается города Мараданы, то это не город, а одно из мест в цейлонской столице Коломбо.

Так в двадцатистрочной заметочке нагромождены горы ошибок и путаниц.

Но кого в этом винить? Некого. Разве только то обстоятельство, что мы, советские люди, и цейлонцы еще очень и очень мало и плохо знаем друг друга. Нас разделяют многие барьеры, в том числе и такой труднопреодолимый барьер, как языковый.

Но как бы там ни было, при всех несовершенствах перевода и «Тайну Змеиного острова» и книгу рассказов Мартина Викрамасинге я читал с огромным интересом. Особенно меня поразила повесть. Поразила она тем, что, читая ее, читая о жизни и похождениях цейлонских мальчишек, я вспоминал свое детство, свой родной Новгород, отстоящий от Цейлона по крайней мере на восемь тысяч километров. Было такое ощущение, какое испытываешь, читая и Марка Твена — его «Тома Сойера», его «Гекльберри Финна». Если за дело берется мастер, его перо, отбросив все лишнее, случайное, из тысячи черт и штрихов жизни отберет такие, которые непреходящи, характерны, неповторимы и вместе с тем вечны. Мальчишки на Миссисипи, на южном океанском побережье Цейлона или на берегах древней русской реки Волхов — всюду мальчишки, носят ли они трусы или саронги, сражаются ли с гадюками или с кобрами, видят ли ежедневно коров или буйволов, слонов в зарослях сахарного тростника или соседских облепленных репейниками коз.

Позже, у меня дома, в Москве, я сказал Мартину Викрамасинге о том, что герои «Змеиного острова», удравшие из дому и обосновавшиеся на островке среди тропических зарослей, некоторые ситуации повести напоминали мне о Томе Сойере и Геке Финне. Он улыбнулся, ответил:

— Должен честно сознаться, может быть, это обеднит мою биографию, но «Том Сойер» мне в руки так никогда и не попался, прошел мимо. Бывает! — Он развел руками. — А Гека я очень любил, очень, и действительно вы правы, кое-что в «Острове» навеяно марктвеновским Геком.

Я спросил, а не автобиографична ли повесть.

— Да, конечно. В ней многое автобиографично. Но ключ к «Острову» — повесть в рассказах «Наша деревня». К сожалению, ее нет не только на русском, а даже и на английском. В ней автобиографично почти все. Это история деревни, в которой я родился, а следовательно, и моя история, история моего детства, юности.

Разговор такой, повторяю, состоялся позже, в Москве. А тогда, в доме господина Мартина, я вспоминал «Змеиный остров» и всматривался в острое, живое лицо хозяина. Мы расспрашивали друг друга обо всем, что нас интересовало. Сверх сведений, почерпнутых из энциклопедических изданий, я узнал, что деревня, в которой он родился, расположена на самом юге Цейлона, за старинным городом-крепостью и портом Галле, основанным еще во времена голландского владычества; что нам с Питером Кейнеманом, когда он возил меня в Хиккадува плавать среди коралловых рифов, оставалось совсем немного до тех интересных мест; и еще я узнал, что родная Мартинова деревня носит название Коггалы.

— Коггала, — сказал он, — это, по-нашему, «журавлиный камень», «скала журавлей». Это была подлинно журавлиная страна. Я хорошо помню, как на поднявшейся над рекой Коггалаоей каменной скале большими стаями собирались спокойные, мирные журавли... — Он помолчал. — А теперь там одно воронье. Во время войны и еще довольно долго после нее на тихие воды Коггалаои садились английские гидропланы и навсегда распугали журавлей. Журавль — философствующая птица, журавль не любит войны. Это воронью смерть — радость. Воронье всегда там, где люди бряцают оружием. Такое бряцание сулит воронью поживу. Но, может быть, журавли еще и вернутся?

Он, кажется, спрашивал об этом у меня.

2

По книгам Мартина Викрамасинге, поскольку он всегда пишет подлинную жизнь, каждый может представить себе его биографию. Отец его — сельский чиновник и мелкий землевладелец. Много мальчику семья дать не могла, но она и не оставила его без образования. Грамоте учили в Коггале, у сельского учителя. Вокруг были реки, болота, джунгли, полные птиц, разного зверья. Вокруг жили люди, жили трудно, борясь за существование. Познание грамоты шло одновременно с познанием окрестной природы, жизни людей деревни: бедных, выбивавшихся из сил, средних по достатку, постоянно боявшихся его потерять, и богатых, у которых только и мысли было, как бы еще больше, еще больше, еще больше нажить денег. Через все произведения Мартина Викрамасинге проходит его четкое видение классового строения человеческого общества — в деревне оно представлено как нигде более резко и очевидно.

Потом мальчик был отправлен в одну из школ Галле, а затем, спустя семь лет, и в Коломбо. Строгий и требовательный буддийский монах надолго стал его наставником в изучении древних, полных затейливых историй и мудрых наставлений цейлонских хроник «Махавамсы» и «Дипавамсы», всей существовавшей к тому времени сингальской литературы, родного языка, бесчисленных преданий, сказаний, богатой, тонкой, глубоко самобытной культуры Цейлона.

А еще дальше — самостоятельная борьба за хлеб насущный. Молодой человек пошагал по изнурительной служебной лестнице, и поныне чрезвычайно типичной для образованных людей на Цейлоне, — клерк в торговой фирме, кассир, управляющий конторой. Вместе с тем возникало то, что в конце концов человека, одаренного этим от природы, рано или поздно захватывает всего без остатка, — желание

Мартин Викрамасинге.

писать. Мартин пошел в журналистику, стал пробовать себя в литературе. В те времена современная сингальская литература только-только возникала. Специалисты пишут, что первым современным сингальским романом — после многовековых уходов в религиозные мотивы — был роман А. Симона де Сильвы «Мина», опубликованный в 1905 году. За ним следовали романы Пиядасы Сирисены «Джаятиса и Розалина», восставший против порабощения Цейлона англичанами, и В. А. Сильвы «Шриялатха». Сразу же за ним, в 1914 году, вышел и первый роман молодого Мартина Викрамасинге, «Лила».

— Давно, давно было дело. Очень давно. — Мой хозяин, щурясь, как бы смотрит в прошлое, что-то пристально рассматривает там.

А там было неимоверно трудно. И ныне, когда Цейлон перестал быть английской колонией, приобрел известную самостоятельность, и сейчас ни один из цейлонских писателей, кроме их патриарха, не сможет прожить на литературный гонорар. Молодой цейлонской литературе не просто единоборствовать с тем потоком дешевых и массовых книг на английском языке, устремляющимся сюда из Англии и США, книг, на обложках которых — люди в масках с кинжалами и кольтами, полуголые вампирши, вставшие из гробов покойники, юные отцеубийцы и старые пожиратели детей.

На острове несколько сотен тех, кто причастен к литературе, кто пишет, стремится писать. Но только один из них, Мартин Викрамасинге — да, это факт, — способен жить на свой писательский гонорар. Остальные должны непременно где-то служить, где-то работать; наилучший вариант — если это работа в газетах.

Однажды ко мне в гостиницу «Тапробан» пришел очень приятный, жизнерадостный молодой человек. Улыбаясь, он рассказал такую в общем-то очень грустную историю. В течение нескольких лет он работал над двумя книгами рассказов. За каждую книгу издатели уплатили ему по 500 рупий. А находясь на службе по сбору налогов, он получает ежемесячно 650 рупий. Как же тут быть? Служба не по душе, мешает его литературной деятельности, а отдаться полностью литературе — значит жестоко бедствовать.

— Все-таки я принял решение бросить службу, — сказал он. — Я уже начал приучать себя к лишениям. Я не стал курить. Я не стал выпивать. Я отказался от европейской одежды, которая дороже нашей, национальной. Я много от чего отказался во имя того, чтобы полностью отдаться любимому делу. Теперь и жена поддерживает меня в этом, хотя вначале очень горевала, предвидя впереди только одни трудности.

Так обстоит дело даже сегодня. Что же говорить о тех временах, когда начинал свою литературную деятельность Мартин Викрамасинге, когда Цейлон был колонией, когда мо-

лодой писатель проходил лестницу литературной карьеры, начав ее с репортерства, дойдя постепенно до поста заместителя редактора и, наконец, редактора и поныне существующей газеты «Динамина», когда сплошь и рядом были возможны истории, одна из которых случилась, например, с ним в бытность репортером. Выполняя редакционное задание, цейлонский журналист Мартин Викрамасинге ехал в пригородном поезде из Коломбо. В том же самом купе сидели английские солдаты. Поглядывая на них, он курил сигару из черного табака, выращиваемого на севере острова, в окрестностях Джафны. Этот табак действительно не слишком ароматен — что правда, то правда,— но на импортное курево у Мартина денег не было. Что делать.

— Эй ты!— сказал один из солдат.— Выбрось свою вонючую дрянь за окно. Дышать невозможно.

— В соседнем купе есть свободные места,— внешне спокойно, но кипя от внутреннего возмущения, ответил будущий писатель, рискуя сам быть выброшенным за окно вместе с сигарой.

Каждой своей статьей, каждой новой книгой он мужественно сражался за национальную независимость, за родную сингальскую культуру, все свое творчество посвящая народу, который его породил. И нечего удивляться тому, что, когда национальная независимость

пришла, когда широко развернулось дело народного просвещения, книги Мартина Викрамасинге стали в народных школах одним из основных пособий для изучения сингальского языка.

Мартин Викрамасинге никогда не стремился и не стремится своими произведениями развлекать читающую публику. Известно, что его первый роман, «Лила», не имел должного успеха. Почему? Да потому, что в те времена круг читателей был до крайности узок и состоял он именно из тех, против кого, в сущности, молодой писатель и направлял свое первое большое произведение.

— В «Лиле» я попытался выступить и против тех, кто слишком цепко держался за наше средневековое национальное прошлое, не видя вокруг прогрессивного нового, и против безудержных «западников», сторонников повальной европеизации.— Мартин усмехнулся.— Народ-то меня, пожалуй, и понял бы, да он еще не умел читать. Верхушка, конечно, тоже поняла, да ей это не пришлось по вкусу.

Как народ воспринимает и понимает творчество Мартина Викрамасинге, мне помог увидеть, ощутить Питер Кейнеман. Он и Мод заехали однажды за нами в «Тапробан» и повезли на одну из первых демонстраций одного из произведений только-только нарождающейся ныне цейлонской кинематографии. Это был фильм по роману Викрамасинге «Меняющаяся деревня».

Картину показывали в кинотеатре рабочего, трудового района Коломбо. Весь зал плотно заполнился рабочими порта, фабрик и фабричонок, мелкими служащими всяческих контор и конторишек. Было жарко, душно, хотя под потолком во время коротких перерывов между частями с пропеллерным гулом вращались лопасти многочисленных фенов. Но зрители терпели жару и духоту: их захватывала знакомая им жизнь, развертывавшаяся на экране. Перед ними на этот раз не было лихих ковбоев Аризоны или гангстеров Нью-Йорка, обычно властвующих на экранах Коломбо, а были они сами, цейлонцы, до жизни которых кино пока что по-настоящему не снисходит. На глазах у зрителей распадалась патриархальная сельская семья, проживающая в той самой деревне, где родился автор романа; в семью входило новое; молодежь училась, шла в город — учиться дальше, работать; старики, не воспринимая новшества, доживали свой век в родных местах. Зал то замирал в напряжении, то взрывался аплодисментами, вздыхал с облегчением.

Недавно у нас переведена и выпущена в свет книга Мартина Викрамасинге «Последний век»— трилогия, в которую входит и роман «Меняющаяся деревня». Это превосходная книга, стоящая в ряду лучших произведений мировой реалистической культуры. Читая ее, следя за развитием характеров героев, за ходом их трудных, сложных судеб, как бы перечитываешь страницы истории цейлонского общества первой четверти нынешнего века. Одни бунтуют против той — и материальной и духовной —зависимости, какую для цейлонцев установил полуторавековой колониальный режим англичан; другие подобострастно служат колонизаторам, стремясь «выбиться в люди»,— от этого уродуются, калечатся души, сгибаются спины, тускнеют глаза.

Лишний раз убедился я там, в зале цейлонского кино, смотря фильм по одному из лучших романов Мартина Викрамасинге, насколько верны требования к искусству — быть народным, служить творящим жизнь и историю массам, а не пресыщенной кучке снобов. Мартин Викрамасинге с его народным творчеством в тот вечер властвовал сердцами всех, кто смотрел на экран.

— Когда я пишу,— сказал мне Мартин во время одной из последующих наших встреч,— я никогда не вижу перед собой кислого лица критиков, которые потом будут брезгливо перебирать пальцами мои строчки, как это делают стряпухи на рынке возле лотков с креветками. Я вижу лицо читателя, простого человека-труженика, вижу его глаза, устремленные в книгу, его шевелящиеся губы: может быть, он читает еще по складам. Я ведь сам когда-то был именно таким, я все помню, ничего не забываю. Между прочим, вы, русские, помогли мне найти верную дорогу в литературе. В тысяча девятьсот двадцатом году я впервые прочел Льва Толстого. Это была «Анна Каренина» на английском языке. Закрыл могучую книгу на последней странице и почти физически ощутил, какая же препустейшая литература валом валила к нам в те времена через океан из Европы и прежде всего, понятно, из Англии. Я не говорю, вы сами понимаете, о таких мастерах, как Фильдинг или Теккерей, и им подобных. Я говорю о новой европейской, английской литературе — о пустом, ничем тебя не обогащающем массовом чтиве. Толстой открыл мне до того неведомый, огромный, богатый мыслями мир. И знаете, в чем еще выразилась его сила? Он помог мне увидеть и настоящих французов, до которых я как-то не доходил, привил вкус к настоящей, да-да, именно к настоящей мировой литературе.

За Толстым к цейлонскому писателю пришли и другие русские — Тургенев, Чехов, Горький... Каждый из них нес ему новое, удивительное, щедрое.

Строгими мерками мировой литературы, создавшей образцы подлинно народных произведений, мерит Мартин Викрамасинге работу своих коллег, писателей Цейлона. Добрые слова услышал я от него о профессоре Саратчандре —драматурге, литературоведе, фольклористе, о Гунадасе Амарасекаре, авторе шумного романа «Падшая», о многих других. Мартин пристально, придирчиво и по-отечески заботливо следит за их работой.

В тот первый вечер нашего знакомства мой хозяин, как это и водится у писателей, показывал мне свой рабочий кабинет. Небольшая комната, все стены в полках с книгами, удобный письменный стол и широко распахнутая — не дверь, а как и в гостиной — вся стена: прямо в бушующую тропическую зелень. Хозяин останавливался возле полок, трогал корешки книг, рассказывал историю того, как он читал ту или иную книгу, какие мысли вызвало чтение, что он думает об авторе.

— Тут собрались не только мои друзья. Среди собравшихся есть и мои недруги,— сказал он без улыбки.— И когда я пишу, я вижу и тех и других. С одними иду рядом, с другими спорю, сражаюсь. Утром, рано, когда поют птицы, так хорошо думается.

— Мартин встает вместе с птицами, едва начнет светать,— поясняет все время присутствовавшая при разговоре жена писателя, женщина с доброй, светлой, застенчивой улыбкой, носящая прекрасное имя Према, что на санскрите означает Весна.— Выпьет чашку крепкого чаю— и за письменный стол. Пишет до завтрака.

— А потом она мне все переписывает. Иначе сам себя не разберу. Так, наверно, поступает большинство писательских жен? Не с Софьи ли Андреевны все началось?

Много, очень много написал Мартин Викрамасинге, писатель большого, вдохновенного трудолюбия. Его собратья по перу во всем мире могут ему только завидовать...

Одного американского миллионера спросили, как ему удалось добиться такого огромного состояния. Он ответил: «Я ежедневно вставал на час раньше других». Может быть, всем, кто пишет, надо вставать вместе с птицами?

Иногда, как я заметил, Мартину Викрамасинге кажется, что он уже не молод, что ему незачем лезть в литературные и идейные схватки, что надо замкнуться и только писать, писать. Тогда он затевает, скажем, копку пруда возле дома, напустит в него пестрых экзотических рыбок, пытается уйти в созерцание этого микромирка. Но его общественный темперамент торжествует над слабостями возраста, берет над ними верх. Что бы он ни делал, в конечном счете получается непременно то, о чем он сказал: «С одними иду рядом, с другими спорю, сражаюсь». Несколько лет назад за книгу «О международном взаимопонимании» ему была присуждена премия филиппинского президента. Шестьдесят тысяч рупий. Деньги немалые. На Цейлоне литературным путем их заработать очень и очень непросто. Почему бы не воспользоваться возможностью укрепить материальные дела и не получить такую значительную сумму? Но Мартин сказал:

— Пока воздержусь. Вот если вы не перемените своего намерения после того, как выйдет в свет моя новая книга — о Советском Союзе, над которой я сейчас работаю, тогда, пожалуйста, вернемся к этому вопросу.

Книга «Расцвет Страны Советов», над которой он работал, вышла. О премии филиппинского президента, понятно, разговора больше не возникало.

— Боюсь, что они меня подкупают,— объяснил он свой отказ.— Мне совсем не все равно, каким путем зарабатывать деньги, нет!

Опыт жизни у этого человека достаточный, глаз его зорок. Понимая место такого писателя в цейлонском обществе, международное звучание его слова, его упорно стремятся завоевать реакционные силы всевозможных мастей. То хотят втянуть в какое-либо литературное жюри, то в очередную затею буддистских монахов, то в редактирование дурно пахнущих сборников. Мартин стоит твердо, покачнуть его невозможно. Разве лишь возникают вот такие временные ссылки на возраст, на недуги, когда он усаживается возле своего прудка и созерцает игру синих, золотых, серебряных рыбок, но из чего в конце концов вдруг возникает замысел очередной полемической, остропроблемной статьи. Тогда рано утром, вместе с пением пробуждающихся птиц,— за письменный стол.

— Я всегда жил своим умом и своими чувствами,— сказал он мне.— Думаю, что с самых мальчишеских лет. Когда родители вздумали

меня женить на одной богатой девице, у них тоже ничего не вышло. Я ее не любил. Я полюбил вот кого!— Он охватил рукой за плечи госпожу Прему.— Я бегал к ней из своей Коггалы за три мили в ее Каталуву. И наперекор им, родителям — родителям! Не то что каким-то политическим и литературным комбинаторам — я женился не на той, богатой, а на этой. Так хотело сердце.

— А ты помнишь нашу свадьбу?— стесняясь, спросила госпожа Према.

— Как не помнить! Это произошло ведь совсем недавно. Каких-нибудь сорок лет назад. Ты была в белом сари...

— Верно, верно!— Госпожа Према смущается все больше.— Это было очень красивое сари.

Мартин Викрамасинге—веселый человек, он любит жизнь со всеми ее радостями. Я спросил его как-то, не мешает ли ему его буддийская вера, его буддийская религия. Это было у меня в номере, в гостинице «Тапробан». Под потолком вращался фен, с океана дышало йодистой влагой. На столике дымился чай в чашках.

Мартин думал долго, молчал, ерошил пальцами белые волосы.

— Если говорить о буддизме по-настоящему, то разговор это бесконечный,— сказал он наконец.— Буду краток. Для меня Будда и буддизм —не система догм и религиозного ритуала. Это система созерцания мира. В этой системе много ценного, в частности для того, кто занимается литературой и искусством. Страдание, которому так много места отведено в буддизме,— источник эмоций, а следовательно, и искусства, так как искусства без эмоций быть не может.

Он сжался в гостиничном кресле, его мучали какие-то боли, но он преодолевал их, не поддавался им, они только обостряли его мысль. Я вспомнил рассказы о Толстом, о том, как Толстой особенно любил работать, когда был нездоров, когда сидел за столом с повышенной температурой, укутавшись в одеяло, отрешась от всего, уйдя от внешнего мира, от всех его раздражителей.

Каждый задумывающийся над смыслом жизни, а не просто проживающий ее быстро летящие дни, ищет своего бога, который вел бы его по лестнице жизни вверх, к свету, к солнцу, не дал бы юркнуть под эту лестницу, к корыту, и там самодовольно захрюкать над тюрей. Я встретил на Цейлоне человека, который начал с буддизма, со служения Будде, а пришел к коммунизму, стал убежденным последователем коммунистических идей переустройства мира на земле. Беспокойство, искание — они чаще всего выводят людей на верные жизненные дороги. Самоуспокоенность, самодовольство не приведут никуда, это ход в тупик.

Наша первая встреча с Мартином Викрамасинге ознаменовалась невероятной силы грозой. Дождь на улице прекратился было на какое-то короткое время — в черни ночи замелькали, искрясь, светлячки, будто кто-то рассевал в воздухе голубые с золотом блестки. Но затем одна за другой зазмеились, связываясь в узлы, жаркие молнии, и небо заревело ревом океана при двенадцатибалльном шторме. Полетели пробки из электропредохранителей, гас свет, выключался фен. Казалось, дом раскалывается на части, блеск молний бил по глазам, слепил, все гудело. Стонали, изгибаясь, деревья за порогом дома, ветер рвал листья, мокрые, швырял в комнаты.

Мы выпили еще по стопке арака, раз уж такое дело вокруг, и за поздним временем пора была ехать. Гостеприимному хозяину надо было отдохнуть. До рассвета, до той поры, когда запоют птицы, когда его позовет к себе письменный стол и когда с чашкой крепчайшего чаю придет к нему его верная, преданная и вечная Весна.

3

29 мая 1966 года Мартину Викрамасинге исполняется семьдесят пять лет. Пусть мой дружеский привет долетит до Вас как можно быстрее, дорогой мастер, пусть у Вас будет много здоровья, и да воплотятся в новые книги все Ваши большие, интересные творческие мечты.

Я не хочу, чтоб это повторилось!

Виктор ПОПОВКИН

Ты улыбаешься мне,
дочь.
Ты спать не хочешь.
Мир для тебя
открыт и вечен!
К стеклу прильнула ночь.
А ты смеешься,
ты хохочешь,
смышленый и забавный человечек.
Живая отблесками дня,
Луна по крышам шлепает босая.
С тобою я
ее в окне ловлю.
И ты лукаво смотришь на меня,
игрушки с шалостью бросая,
гулишь:
— Люблю,
люблю,
люблю!..

Зима идет к весне.
К весне ты сердцем привяжись!..
Устала мать,
но доброю улыбкою во сне
светло благодарит
тебя и жизнь.
Мне видится
лицо твое,
как радость омрачается обидой,—
не защитили взрослые тебя от боли
и забавляют
зайцем лопоухим и мячом.
А боль —
укол:
предписана врачом прививка.
Пусть тысячу таких же болей
мне дают.
Пусть миллион.
Пусть
сколько нужно!
Чтоб только ты была свободна от
одной...
Но медсестра смеется:
— Все отцы
мне говорят
о том же!
Но есть другие боли...

Мне не спится.
Жаркими руками
виски безмолвно стискивает память.
Всхрапывают кони черные,
несут
пустые брички
по подсолнухам горящим.
На фоне белых облаков
пикирующий «юнкерс»
с желто-черными крестами,
С паучьими крестами смерти.
Самодовольное лицо фашиста.
Забавляясь,
он методично
давит на гашетку.
Треск пулемета.
Крики ужаса
и боли.
Стоны.
В открытом поле
мечутся в испуге дети.
Женщины
вздымают руки к небу,
Падают на землю.
Подсолнухи сминая тяжело,
в неслышных судорогах
рухнул конь.
С боками глянцевыми
черный конь.
Оскалом вспененным он ловит солнце—
желто-солнечный подсолнух.
С отчаянием
качает женщина ребенка.
Светлой добротой
ее напев пронизан.
Напев нехитрый:
Баю-баю-бай!
Баю-баиньки,
Маленькие заиньки!
Баю-баю-баиньки!
Баю-баиньки,
Маленькие...
Прострелены слова очередями
пулемета!..
Небо...
Солнце...
Не существует ничего!

Не спится...
Воспаленными руками
виски мне стискивает память.
А за окном рассвет ломает ночь.
Я машинально
зайца лопоухого
ловлю.
Ты улыбаешься, мне, дочь.
Гулишь:
—Люблю! Люблю! Люблю!
Ты веришь в силу взрослых.
В доброту их рук
и в справедливость.
И пусть тебе неведомо,
какие раны
души людям бередят...
Я не хочу,
чтоб это повторилось!
Как сотни миллионов не хотят.
Мы не хотим!
Мы
не дадим,
чтоб это повторилось!!

Фото Б. Кузьмина.

КТО КОГО?

МАЛЫШИ.

Фото М. Савина и Н. Козловского.

Здесь проходит фаггара — африканская водосборная галерея.

Развалины древнего римского города Тимгада.

Оазис Ин-Салах (центральная Сахара). Слева мэр оазиса Хадж Бенан, из племени туарегов.

Фото И. Пантелеева.

Вода Сахары!

СОКРОВИЩА САХАРЫ

И. ПАНТЕЛЕЕВ,
доктор геолого-минералогических наук

Недавно мне довелось побывать в Алжире и принять участие в проводимых советскими специалистами работах по изысканию подземных вод. Работы эти ведутся на обширной территории в различных географических и климатических зонах — от предгорий Атласского хребта до центральных районов Сахары.

Недостаток воды сдерживает развитие экономики нового Алжира, особенно его сахарских районов. В некоторых оазисах из-за нехватки воды постепенно гибнут пальмовые рощи — основной источник доходов населения, засыпаются песками брошенные поселки, пропадают веками протоpенные караванные пути.

Московский институт водного хозяйства два года назад направил в Алжирскую Народную Демократическую Республику две крупные гидрогеологические экспедиции, оснастив их современной техникой и укомплектовав опытными специалистами. Одна из них под руководством гидротехника В. А. Забелина и гидрогеолога А. М. Чеховских вела изыскания подземных вод для обводнения обширной территории прогонных пастбищ и орошения крупного массива залежных земель в центральной части страны (департамент Медеа). Другая — сосредоточила свои главные силы и технические средства в оазисах северной и центральной Сахары.

Первая экспедиция нашла на участке прогонных пастбищ запасы воды, достаточные для орошения 10 тысяч гектаров земли, на которых планируется выращивать страховые запасы кормов и продовольственные культуры.

...Наш караван вышел в Сахару в конце января. Это была автоколонна из 17 машин, на них — буровые механизмы, оборудование, домики, палатки, недельный запас воды, продовольствие, горючее.

Караван направлялся в Ин-Салах — населенный пункт в центральной Сахаре. Советским специалистам предстояло в считанные месяцы до наступления труднопереносимой летней жары (здесь в июле свыше 50° в тени) открыть новые ресурсы подземных вод. Руководитель экспедиции инженер-гидрогеолог С. М. Голубев и его помощники инженеры И. И. Снежко, Г. П. Корюкин, механик В. Н. Аверченков подготовили караван обстоятельно.

С Сахарой шутить нельзя даже теперь. Она бессильна помешать вторжению в ее пределы организованным и дисциплинированным людям, но жестоко расправляется с легкомысленными авантюристами. Достаточно вспомнить печальный случай с группой туристов, погибших недавно в районе впадины Каттара.

Первым на нашем пути был обширный оазис Бискра. Он открывается вскоре после прохода через узкое ущелье, прорезанное рекой в горном хребте и носящее название ворота в Сахару. Бискра — большой город с населением свыше 50 тысяч человек — утопает в зелени пальмовых рощ и фруктовых садов. Вокруг него, насколько хватает глаз, на фоне светло-желтой пустыни яркими пятнами выделяются многочисленные пальмовые рощи со скрытыми в их тени поселками. В одном из них — оазисе Тольга — накануне поездки в Ин-Салах отряд гидрогеологов под руководством инженера Э. А. Жилко закончил бурение очередной скважины, вскрывшей, как и две предыдущие, обильные воды на глубине около 500 метров.

Это был крупный успех нашей второй экспедиции, увеличившей для оазиса Тольга дебит подземной воды в 20 раз. Я спросил у рабочего плантации: «Сколько лет живет пальма?» Он ответил: «Всегда, если есть вода!» Он помнит случаи гибели пальм только от безводья. Поэтому понятно, почему у каждой нашей новой фонтанирующей скважины местное население устраивало шумные праздники.

Этот район теперь больше известен как центр нефтедобывающей промышленности. В 1956 году к юго-востоку от Уарглы было открыто самое крупное в Сахаре месторождение нефти, запасы которого оцениваются в 2—3 миллиарда тонн.

В начале 60-х годов в местечке Хасси-Рмель, вблизи города Гардай, открыто крупнейшее месторождение природного газа.

Географическая карта современной Сахары запестрела условными обозначениями месторождений нефти и газа. Эксплуатируют эти сокровища пока преимущественно французские компании, но в разработке этих богатств с каждым годом возрастает доля алжирского государства. В начале 1966 года алжирское государство ввело в эксплуатацию первый собственный нефтепровод.

С каждым годом в Сахаре обнаруживается все больше сокровищ. В поисках их алжирцам помогают наши специалисты.

НЕУГАСИМАЯ ЗВЕЗДА ПОЭЗИИ

К 100-летию со дня рождения А. Акопяна

Творчество выдающегося армянского поэта Акопа Акопяна широко известно и любимо в нашей стране.

Уже в конце прошлого века А. Акопян становится в ряды борцов за счастье народа. В своих первых произведениях он с горечью пишет о невыносимом положении трудовых масс армянского народа. Его стихи звали в бой во имя победы справедливости над злом, труда — над капиталом.

С этой песней пройдем мы
по скорбному миру,
Чтоб душа горемыки воспрянуть
могла,
Чтобы счастьем народная жизнь
озарилась,
Чтобы сердце народа для битв
укрепилось,
Чтобы нам устоять под ударами
зла!

В канун первой русской революции Акоп вступает в ряды партии коммунистов и с гордостью проносит через всю свою жизнь это ответственное и высокое звание. На баррикадах борьбы с самодержавием звучали революционные песни: «Интернационал», «Марсельеза», «Варшавянка», «Смело, товарищи, в ногу»,— переведенные на армянский язык славным сыном страны гор и южного солнца.

Именно в это время поэт создает замечательные стихи, ставшие гимном человеку труда, его неиссякаемой воле, энергии и героизму. Появляются такие его стихотворения, как «Еще удар», «Девятый вал», «Революция», «Мой мир», «Пролетариату», «Привет тебе, солнце».

Даже в мрачные годы реакции поэт-коммунист — в первых рядах борцов за дело пролетариата, за его новую жизнь.

С безграничной верой в народ, руководимый партией большевиков, А. Акопян повторяет слова, идущие из глубины сердца:

Рабочий класс, что в бой
ведет народы,
Добьется Правды, Света и
Свободы.
Всей силой сердца моего
Я верю в это торжество.

А. Акопян выступает как пламенный поэт-интернационалист. С гордостью пишет он о великих сынах России — А. С. Пушкине, М. Ю. Лермонтове, А. М. Горьком, о братских народах Закавказья. В лицо националистам всех мастей патриот-борец бросает слова ненависти и презрения:

На поэтов ваших любимых
я не похож.
Жрецам вашим песнь моя
чужда — звук не родной.
Я не желал угождать, вызывать
сердец ваших дрожь,
В вашем мещанском бреду,
ядовитом и жалком заодно.

С радостью встретил А. Акопян Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

В своих первых стихах советского периода он славит «гения, борца, вождя» — великого Ленина, его верных учеников-коммунистов — С. Орджоникидзе, Камо, С. Шаумяна, М. Цхакая.

Свои новые поэмы — «Боги заговорили» (1922), «Ширканал — большевик» (1924), «Волховстрой» (1925) — автор справедливо называет «выражением строительного пафоса эпохи».

Поэт воспевает свободный труд армянского народа, славит братство и дружбу народов Страны Советов. Он посвящает свои стихи 15-летию Советской Грузии, нефтеносному красавцу Баку, пишет статьи и заметки о русской и украинской литературах.

В своем творчестве А. Акопян продолжал лучшие традиции не только армянских поэтов прошлого, таких, как Раффи, М. Налбандян, Х. Абовян, но и классиков русской литературы — А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова...

Могучие симфонии А. Акопяна, как назвал его стихи Р. Роллан, всегда будут волновать читателей. В этом сила и вечность неувядаемой поэзии чудесного варпета армянского народа.

О. БОРТ

Борис ДУБРОВИН

Пограничная ночь

Темно перед глазами,
Не разглядеть ни зги...
Всю ночь, всю ночь в казарме
Шаги, шаги, шаги...

Опасности изведав
И холод высоты,
Приходят из секретов,
Уходят на посты.

Связист у трубки замер,
Не снять с нее руки:
Всю ночь, всю ночь в казарме
Звонки, звонки, звонки...

Оружье заряжают,
Включают фонари,
Кивками провожают
В засаду до зари.

Натягивают парни
Плотнее сапоги...
Всю ночь, всю ночь в казарме
Шаги, шаги, шаги...

МИ-6 НАД ЕВРОПОЙ

Фото специального корреспондента «Огонька» Генриха ГУРКОВА.

Французский пожарный попросил разрешения примерить фуражку советского пилота.

Участники Круглого стола в редакции «Огонька». Слева направо сидят А. К. Котиков, И. Г. Альперович, Ю. А. Гарнаев, В. П. Колошенко, И. С. Дмитриев. Стоят В. П. Андрианов и Ю. В. Титов.
Фото Г. Макарова.

Над Французскими Альпами шел вертолет. За ним следили сотни глаз. Французская государственная компания «Электриситэ де Франс» прислала своих лучших специалистов, чтобы присутствовать на демонстрационных полетах советского летающего гиганта «Ми-6». На большой площадке, на берегу Вара, в районе Ниццы, лежали металлические конструкции — мачты для линий высоковольтных передач. Можно ли устанавливать их с помощью вертолета? — вот вопрос, который привел сюда экспертов. Ведь в труднодоступных горных районах иной способ установки мачт невероятно сложен и дорог, а порой и практически неосуществим.

Крупнейший в мире советский вертолет «Ми-6» ответил на этот вопрос. Он поднял тяжелую, восьмитонную мачту, пронес ее над горами и поставил точно в указанное место. Это был показательный полет. А через неделю в Швейцарских Альпах вертолет «Ми-6» выполнил заказ швейцарских фирм, установив тридцать одну мачту для линий высоковольтных передач. Обычно на установку одной такой мачты уходит две-три недели. Советский вертолет ставил ее за семь — десять минут...

Об этом и о многом другом рассказали за Круглым столом «Огонька» участники перелета на «Ми-6» по странам Западной Европы летчики В. П. Колошенко и Ю. А. Гарнаев, инженер-конструктор И. Г. Альперович, представители Всесоюзного объединения «Авиаэкспорт» В. П. Андрианов и Ю. В. Титов. В дружеском разговоре приняли участие ведущие конструкторы КБ Генерального конструктора М. Л. Миля И. С. Дмитриев и А. К. Котиков.

Нашим читателям известно о небывалом перелете «Ми-6» по странам Западной Европы из репортажей специального корреспондента «Огонька» Генриха Гуркова, участвовавшего в перелете[1]. Одиннадцать тысяч километров прошла огромная машина над Польшей, ГДР, Данией, Голланди-

[1] См. «Огонек» №№ 12, 13, 16.

Перед вылетом из Москвы. Генеральный конструктор М. Л. Миль и Герой Советского Союза Ю. А. Гарнаев.

Таким участники перелета увидели Амстердам...

В пилотской кабине «МИ-6» — летчик В. П. Колошенко.

Сейчас «Ми-6» возьмет на борт «десантников» и вылетит в район лесного пожара. Этот снимок сделан на юге Франции.

ей, Бельгией, Францией, Швейцарией, Австрией, Венгрией. По просьбе голландских, французских, швейцарских и австрийских фирм были показаны возможности применения вертолета в различных видах сложных работ. Демонстрационные полеты прошли с исключительным успехом.

— Наша экспедиция,— говорил на встрече в «Огоньке» заслуженный летчик-испытатель СССР, Герой Советского Союза Ю. А. Гарнаев,— была серьезнейшей проверкой для вертолета «Ми-6». Интерес к машине деловых кругов и самой широкой общественности Запада после прошлогоднего успеха на Международном авиационном салоне в Париже чрезвычайно велик. И зарубежные фирмы хотели проверить вертолет в деле. Мы выполнили все виды работ, которые нам предложили. Эти работы не смог бы выполнить ни один вертолет мира. «Ми-6» выдержал еще один труднейший экзамен.

В Швейцарии, например, переговоры об установке мачт для линий высоковольтных передач велись вначале с американцами. Шеф-пилоты американских вертолетных компаний, слетав на рекогносцировку в Альпы, единодушно заявили: «Это смогут сделать только русские на «Ми-6»...»

Перелет по странам Европы проходил в чрезвычайно сложных метеорологических условиях. Вертолет шел в сильный снегопад, в условиях сплошной облачности, низко над морем.

— Перелет еще раз показал возможности «Ми-6» летать в любых условиях,— сказал командир корабля, известный советский пилот-вертолетчик В. П. Колошенко. Он летал на вертолетах буквально во всех уголках земного шара, от Северного полюса до Южного, летал в Гималаях и в тропиках, садился на льдины и на палубы кораблей.

В. П. Колошенко говорил о том, с какой сердечностью и теплотой принимали участников перелета простые люди Западной Европы.

— Хозяин гостиницы в Каннах спросил нас перед отъездом: «Чем вы так очаровали мой персонал? Все только и говорят о вас». Французские пожарные и монтажники из Швейцарии, рабочие голландской авиакомпании КЛМ и тысячи зрителей, присутствовавших на наших полетах, говорили нам самые добрые, самые приветливые слова. Почему? За что? Мы вели себя так, как привыкли вести у себя дома. Симпатии людей — это симпатии к нашей стране, к нашему великому народу.

Инженер-конструктор И. Г. Альперович вспомнил о Парижском авиационном салоне 1965 года. Появление вертолетов М. Л. Миля произвело там настоящий фурор. Но тогда знакомство с ними для многих экспертов было достаточно поверхностным. Во время нынешнего двухмесячного перелета «Ми-6» представился всем самым основательным образом. Специалисты по тушению лесных пожаров, электрики, представители транспортных фирм получили практическую возможность увидеть советскую машину в действии. И если собрать все восторженные оценки экспертов и прессы, то можно составить толстый том.

— Мы — купцы, нас в первую очередь интересовала коммерческая сторона полета,— заявили представители «Авиаэкспорта» В. П. Андрианов и Ю. В. Титов. Они говорили о большом интересе, проявляемом фирмами западных стран к приобретению советских летательных аппаратов, о переговорах, которые сейчас ведутся.

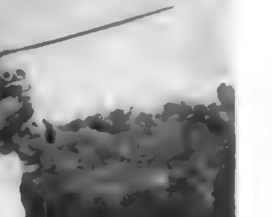
Выступления конструкторов И. С. Дмитриева и А. К. Котикова были посвящены перспективам вертолетостроения, применению вертолетов в различных областях жизни.

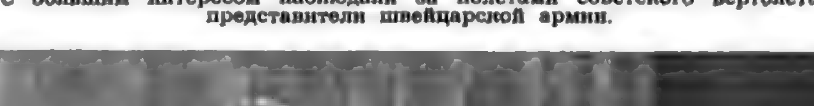
Когда создавались летающие колоссы «Ми-6» и «Ми-10», многие авиационные специалисты мира высказывали мнение, что это технически неосуществимая задача, что это — голое прожектерство. Сегодня эти вертолеты трудятся во всех краях Советского Союза и за рубежом. А жизнь ставит новые, все более сложные и большие задачи.

— Наш коллектив работает над тем, чтобы быть на уровне этих задач,— заявили огоньковцам участники Круглого стола, представители КБ Генерального конструктора М. Л. Миля.

Успехов вам, товарищи!

Огромную массу воды — до двенадцати тонн — может обрушить на огонь «Ми-6».

С большим интересом наблюдали за полетами советского вертолета представители швейцарской армии.

Груз, с которым «Ми-6» прошел над Французскими Альпами, не под силу ни одному вертолету в мире.

А. А. Фомин здесь частый гость.
Фото Д. Ухтомского

ЛЕНИНСКИЙ БУКЕТ

К. ЧЕРЕВКОВ

Он приходит в музыкальную школу в любой день, в любой час. А на торжествах — самый почетный гость. Педагоги зовут его Александром Андреевичем. Дети — дедушкой Сашей... Стар стал путиловский рабочий А. А. Фомин: 56 лет отработал в цехе. Слышит плохо, но глаза молоды, и память юношеская. Особенно когда речь заходит о том, как в восемнадцатом ходил он к Ленину насчет вот этой самой школы.

Время было тяжелое. Враг стоял у ворот революционного Питера. Хлебный паек снижен до восьмушки в день. Не хватало топлива. Останавливались фабрики... Озабоченный судьбой страны, Ленин разрабатывает план обороны Петрограда, рассылает рабочие отряды за хлебом на юг. А неугомонные путиловцы идут в Смольный с необычайной просьбой: хотят открыть свою детскую студию!..

Рабочий пушечной мастерской Фомин и руководитель заводского хора артист Мариинского театра Михаил Плотников из сил выбиваются, но всюду рогатки... Сунулись в губернский отдел народного образования — там отказ: «Идея хороша, но время не то. Подождите годик-два».

— Пошли к Ленину. Он принимает нашего брата, рабочих,— настаивает Фомин.— Не раз видел я и слушал Ильича. Уверен, поймет он нас!..

В приемной Ленина дежурный секретарь выслушал внимательно.

— Не по адресу обращаетесь, идите в губернский наробраз.

Фомин наотрез отказался уходить.

— Были там. Не пойдем больше... И еще скажу вам, товарищ секретарь: мы пришли к Владимиру Ильичу как делегаты путиловцев...

Громкие, взволнованные голоса проникли в кабинет Предсовнаркома. Распахнулась дверь, на пороге показался Ильич.

— Путиловцы пришли! — воскликнул он.— Проходите, товарищи!

Фомин сразу к Ленину, а Плотников засмущался, замешкался.

— Проходите и вы, проходите,— пригласил Владимир Ильич.

В кабинете было несколько посетителей. Заложив левую руку за жилет, а в правой держа карандаш, Владимир Ильич спросил путиловцев:

— Чем могу служить?

Фомин рассказал все по порядку.

— Вы слышите, чего хотят путиловцы? — обратился Ленин к присутствующим.— Не успели взять власть в свои руки, а уже хотят воспитывать свою трудовую интеллигенцию. Это замечательно! А им говорят: «Подождите годик...» Никаких ожиданий — студию надо организовать! Давайте, давайте, товарищи путиловцы!

Владимир Ильич снял телефонную трубку, связался с губернским отделом народного образования:

— Завтра к вам придут путиловцы, дайте им все что нужно!

После звонка Ленина все пошло на лад. На Рижском проспекте выбрали отличный особняк, просторный, с садом. Отремонтировали его. Легко решили и проблему музыкальных инструментов. Взяли маленький заводской паровичок-кукушку, прицепили четыре платформы и по трамвайным рельсам помчались на Невский проспект. Остановились у склада оптовой базы фирмы «Циммерман» и забрали оттуда все что надо: рояли, скрипки, виолончели...

Директором первой детской художественной студии Петрограда назначили ходока к Ленину артиста Мариинского театра Михаила Плотникова. Сначала в школе дети рабочих учились музыке, живописи, скульптуре... Путиловцы трогательно заботились о своем детище: помогали топливом, продуктами, привозили овощи со своих огородов.

— Однажды доставили в студию целую бочку патоки,— вспоминает педагог Ольга Александровна Воропай.— Мы намазывали сладкой густой жидкостью кусочки черного хлеба и давали детям. Это считалось большим лакомством!

Рабочие старались, чтобы будущие музыканты ходили на занятия по возможности в хорошей, опрятной одежде. Губернское начальство, довольно часто наведываясь в аудитории, удивлялось энтузиазму педагогов, поражалось детским способностям.

— А это тоже дочь рабочего? — спрашивал инспектор, глядя на аккуратно одетую девочку с ярким бантом в косах.

— Да, это Ира Фомина, дочь путиловца,— отвечали ему.

— Фомина? — переспрашивал инспектор. Он, конечно, не мог предположить, что Ирина — дочь того самого рабочего, который ходил к Ильичу в Смольный,— впоследствии окончит детскую студию, а потом и консерваторию, станет концертмейстером Академического театра оперы и балета имени С. М. Кирова.

Энтузиазм отцов, педагогов передавался детям... Несмотря на голод и холод, они прилежно занимались, чтобы порадовать своими успехами Владимира Ильича.

Летом двадцатого года в Петроград съезжались делегаты II конгресса Коминтерна. Питомцы студии с нетерпением ожидали приезда Ленина. И вот он появился. Грянул оркестр. Ильич, увидев маленьких музыкантов, ростом чуть больше медных труб, спросил:

— Чьи это дети?

— Дети рабочих. Учащиеся детской художественной студии Петрограда.

— Очень хорошо! — обрадованно сказал Владимир Ильич и преподнес ребятам букет цветов.

...Мы сидим в концертном зале школы, которая носит имя В. И. Ленина. Александр Андреевич Фомин юношески горячо рассказывает историю ее рождения. Если сегодня пригласить всех, кто ее окончил, собрались бы музыканты многих городов страны, известные композиторы. Каждый из них гордится, что начальное музыкальное образование ему посчастливилось получить в ленинской школе.

А когда директор школы Анна Георгиевна Кудышкина приезжает с новыми своими питомцами на завод, старые путиловцы узнают в ней бывшего токаря турбинного цеха. Окончив Ленинградскую консерваторию, она стала воспитывать детей путиловцев.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ:

Продолжение еще будет

Нонна сидела в машине отца, положив руки на руль и опустив на них голову. Впечатление такое: шофер устал и воспользовался короткой остановкой, чтобы немного поспать. Как это поется? «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...» Алексей хотел было проскользнуть мимо — не до разговоров сейчас! — но Чудаков шепнул:

— И не думай убежать!

И верно, Нонна резким движением открыла заднюю дверцу, не глядя на них, сказала:

— Садитесь!

Ярослав толкнул его в машину, сел рядом, и Нонна так резко взяла с места, что оба качнулись, как тот негритенок, что болтался перед Нонной.

Нонна свернула налево, и машина понеслась в сторону Внукова, сразу врезавшись в голубой простор молоденьких парков, над которыми далеко в стороне взлетали в небо старинные колокольни, чем-то похожие на космические ракеты.

Потом пошел мелкий лес, пересеченный старыми проселочными дорогами, по которым уже давно не ездили, и по одной из них Нонна свернула на ближнюю лужайку.

— Ну, что там произошло? — спросила она, впервые оборачиваясь к ним и вглядываясь в их усталые лица.

Ярослав вынул из кармана и передал ей заявление об уходе, выцарапанное из твердых рук академика.

— Вот, можете порвать.

— А вы?

— Уже порвали.

— Капитуляция?

— Временное перемирие.

Алексей вслушался в ворчливый голос Ярослава. Нет, так не пойдет! Ей надо сказать все. Он кашлянул, чтобы привлечь ее внимание. Она, близко придвинувшись к Ярославу и хмуро глядя в его глаза, будто выискивая что-то недосказанное, прикрикнула:

— Молчите, Алеша! Я хочу понять, рад ли Ярослав, что все так благополучно кончилось, или он отступил только для разбега?

— Чтоб удариться головой об стенку? — поддразнил ее Чудаков.

— Нет, чтобы занять позицию повыше той, на которой сидят мой отец и его друзья.

Окончание. См. «Огонек» №№ 10—21.

СОВРЕМЕННАЯ ПОВЕСТЬ
С ПРОЛОГОМ И ЭПИЛОГОМ

Николай АСАНОВ

Рисунки П. Пинкисевича.

— Выше нас не пустят! — сказал Ярослав.

— Тогда продолжайте с того места, на котором остановились!

— А что станете делать вы?

— Я? — Она на мгновение осеклась.— Я выйду замуж. Замдиректора передал мне совет академика. Алеша, вы возьмете меня в жены?

— Я не смогу прокормить вас на свои полторы сотни,— сухо ответил Алексей. Он все не мог понять, о чем и, главное, зачем они говорят.

— О, я умею делать десять блюд из простой картошки. И я стану штопать вам носки и рассчитывать ваши формулы — это я тоже умею. И я возьму у отца свое пианино и начну давать уроки, пока вы будете отрабатывать ваши часы в институте...

Что-то изменилось в ее голосе, он стал мягким, певучим и в то же время прерывистым, как будто ей все труднее дышать, вот-вот она задохнется совсем или вдруг зарыдает.

Алексей сердито сказал:

— Пора по домам!

Ярослав взглянул на него, молча открыл дверцу и нагнулся, чтобы выйти. Алексей схватил его за локоть.

— Куда ты? Сиди!

Ярослав откинулся обратно в угол и закрыл глаза, словно заснул. Алексей захлопнул дверь.

Теперь Нонна смотрела только на него. Ярослава как будто не было для нее, а может, она просто забыла о нем.

— Если я буду с вами, отец перестанет преследовать вас.

— Я не хочу оставаться при вас и при нем! — грубо сказал Алексей.— И эта борьба не кончится, пока такие, как ваш отец, не уйдут...

Она ничего не ответила, лишь посмотрела пристально, испытующе, глаза у нее сухо блестели, но сейчас он мог сколько угодно выносить ее взгляд. Она отвернулась, положила руки на руль, несколько мгновений вглядываясь, как будто не понимая, где она и как сюда попала, потом машинальным жестом включила зажигание и резко развернула машину. Теперь она все делала четко, автоматически, только правая щека ее, которую видел Алексей, горела и нервически вздрагивало веко.

И у дома она затормозила автоматически четко. Ярослав вылез так неловко, словно глаза его все еще были закрыты, махнул рукой и поплелся к себе. Алексей, оказавшись на тротуаре, сказал:

— Спасибо...

Нонна не оглянулась и сейчас же отъехала. Только когда она развернула машину и проезжала мимо, взгляды их встретились. В ее глазах не было ни гнева, ни сожаления.

Алексей пошел по тротуару к своему подъезду, когда твердая рука легла на его плечо и рывком повернула его назад. Перед ним стоял Ярослав. В глазах его был такой гнев, что Горячев невольно отшатнулся.

— Дурак! — сказал, словно хлестнул, Ярослав.

— Оставь меня в покое! — яростно закричал Горячев.

— Ну, уж нет, голубчик! — прошипел Ярослав.— За что ты ее обидел? Ты подумал, сколько ей нужно было мужества, чтобы восстать против собственного папаши? Ведь она действительно стала плечом к плечу рядом с нами, и ей было труднее, чем нам, потому что она воевала против отца! Это мы разрушили ее уважение к отцу! Мы сделали ее несчастной!

Над их головами распахнулось окно. Голос Аннушки негромко приказал:

— Мальчики, перестаньте! И поднимитесь домой! Ярослав, не отпускай этого неврастеника. И скажи ему, что женщины прощают грубость солдатам, когда солдаты ведут бой...

— А если этот болван перестанет драться? — проворчал Ярослав, подняв голову к открытому окну.

— Ничего, залечит свои синяки в одиночестве и снова примется за свое,— спокойно сказала Аннушка.— Он еще даст жизни Михаилу Борисовичу! А сейчас тащи его сюда, жаркое перестоялось...

Голос был тихий, мирный и словно бы удаленный в пространстве и во времени от всего, что бушевало в окружающем мире и в собственной душе Алексея. Подчинись ему на час — и можешь погрузиться в нирвану, где несть ни печали, ни воздыхания, но нет и звона скрещивающихся мечей, и нет горечи поражения, и нет упоения победой. Но разве этого ждала от Алексея Ника?

Он резко повернулся, перебежал улицу и поднял руку, останавливая первую попавшуюся машину...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ:

Вы мне нужны, Нонна...

Он позвонил в квартиру Красовых, повидимому, следом за Нонной.

Она открыла дверь, держа на руке только что снятую автомобильную куртку, и даже несколько отшатнулась назад.

— Что случилось? — тревожно воскликнула она и сразу набросила куртку на плечи, будто появление Алексея предвещало беду.

— Вы мне нужны, Нонна...— медленно выговорил Алексей, как выговаривались в его душе эти слова, пока он торопил шофера такси, будто боялся, что Нонна исчезнет, если он не догонит ее, и тогда ему уже никогда не удастся произнести эту фразу.

— А... — сразу успокоившись, произнесла Нонна и повесила куртку.— Я подумала, может быть, Ярослав...— Оборвала себя, приказала: — Проходите, Алеша, я сейчас...— И исчезла в глубине квартиры.

Он ошеломленно остановился на пороге ее комнаты, прислушиваясь к тишине. Впрочем, тишина была относительной: капала на кухне вода из неплотно завернутого крана; где-то ходила Нонна, вот она что-то уронила; стучали настенные часы; гулко прогудела струна в закрытом рояле, отвечая резонансом на какой-то звук, донесшийся из раскрытого окна... Алексей стоял и думал: почему она так равнодушно отнеслась к его появлению? И почему прежде всего вспомнила о Ярославе?

И остановил себя: дурак, ты ворвался так неожиданно, что действительно мог показаться провозвестником несчастья! А так как явился ты, то, естественно, Нонна подумала об отсутствующем. Как подумала бы о тебе, если бы ворвался Ярослав. Все трое связаны одной судьбой. И все идем одной дорогой.

Ходит птичка весело
По тропинке бедствий,
Не предвидя от сего
Никаких последствий...

А то, что она не кинулась в твои объятия, тоже понятно: ты ухитрился смертельно обидеть ее. Попробуй теперь убедить ее, что поступил так против воли и желания...

Щелкнул дверной замок, и в проеме вырос Михаил Борисович. Он прищурился, словно не узнал после яркого уличного света, кто стоит перед ним. Потом насмешливо улыбнулся.

— А, Алексей Фаддеевич! Пришли с повинной?

— Нет. Хочу обокрасть вас.

Михаил Борисович отступил на шаг, легкое удивление и некий страх мелькнули в его расширившихся глазах, но он сдержался, усмехнулся снова.

— Ограбление запланировано с убийством?

— Нет. Вы ведь не очень храбрый человек и просто встанете лицом к стене, чтобы ничего не видеть.

— За что же такая лютая месть?

— Согласно исповедуемой вами заповеди: око за око!

— И как вы понесете вашу добычу? Связанной и в мешке? Добровольно она за вами не пойдет!

Алексей готов был выкрикнуть что-нибудь еще более злое, но в конце коридора появилась Нонна и сухо сказала:

— Перестаньте! Алеша, пройдите в комнату!

— Как? Он оскорбил твоего отца, и ты приглашаешь его в дом? — ядовито спросил Михаил Борисович, но, взглянув на дочь, торопливо добавил: — Ничего, ничего, мы пошутили!— И, швырнув шляпу на вешалку, бочком прошел мимо Алексея в кабинет.

Нонна своим суровым взглядом словно бы втолкнула Алексея в комнату. Не обращая больше внимания на Алексея, она сразу села в кресло, стоявшее подле погашенного торшера, уронила руки на колени и опустила голову, словно ее надломили. В этой позе Нонна выглядела маленькой, несчастной девочкой, которая не понимает, за что ее обидели, но чувствует, как жестока эта обида. Алексей невольно потянулся, чтобы погладить ее по голове, но она услышала его неловкое движение и резко выпрямилась.

Красота ее словно бы полиняла в одно это мгновение. А может быть, она умывалась после возни с машиной, но резкий разговор Алексея с ее отцом помешал ей вновь наложить косметику, поэтому и проступило все сердечное утомление, все долгие бессонные ночи, все длительное разочарование, которое копилось, вероятно, с того самого дня, как они встретились на пороге института. Ведь эти дни не прошли бесследно ни для кого из них. И даже милейший Михаил Борисович далек от своего привычного оптимизма.

— Зачем вы так, Алеша? — тихо выговорила она, глядя блестящими в полутьме глазами прямо в его глаза.— Я ведь не такое уж слабое существо и не нуждаюсь в жалости.

— Вы ничего не поняли, Нонна! — в отчаянии воскликнул он.— Ведь это я, я, понимаете, я боялся, что вы лишь из жалости заговорили о нашем будущем! Вы же помните, мне все предсказывали судьбу неудачника, мученика, несчастливца... Разве мог я принять при всем том, что сейчас происходит, вашу помощь? Я чувствовал бы себя трижды несчастнее, если бы ничем не мог отблагодарить вас за вашу жертву!

— Что же изменилось сейчас? — Глаза ее были недоверчивы, но где-то в глубине взгляда вдруг затеплилась маленькая надежда, и Алексей разглядел ее. Сердце забилось ровно, гулко, как перед затяжным прыжком с трамплина на лыжах, когда тебя охватывает предчувствие невесомости. Он все-таки опустил левую руку на ее волосы, а правой приподнял за подбородок ее лицо, наклонился — глаза в глаза, чтобы лучше видеть, что в них происходит,— и страстно сказал:

— Двое вместе — это уже победа! Это поддержка и помощь! Это совет и надежда! И это любовь и счастье! Почему мы должны отказываться от счастья?

Она смотрела в его глаза долго-долго, а он все склонял к ней лицо, и вдруг губы коснулись губ, и словно удар молнии ослепил и оглушил их — больше они не видели ничего, не слышали, как скрипнула дверь, как Михаил Борисович покашлял на пороге, и очнулись только от его громкого голоса:

— Я вижу, что ограбления с убийством не будет! Поздравляю вас, Алексей Фаддеевич! Нонна, можешь погрузить свои тряпки в машину! Завтра поставишь машину возле института. Я не желаю, чтобы в моем доме жила предательница! И для матери так будет лучше! У нее по три сердечных припадка в день!

Он отвернулся и ушел, сгорбленный, словно бы постаревший в один миг. Но Алексею показалось, что и это было притворством. Как будто он с усилием держал спину сгорбленной и с трудом притворялся стариком. Взглянув на Нонну, Алексей увидел ее сухие, испытующе устремленные на уходящего отца глаза и не почувствовал угрызений совести за то, что разрушил семью. Эта семья была разрушена давно.

— Алеша, помоги мне! — тихо прошептала Нонна, показывая на чемодан, стоящий на гардеробе.

Она и не заметила, как обратилась к нему на «ты», словно бы поручая себя его защите. И он понял: Нонна боялась, она действительно вручала себя и свою судьбу ему, пока еще очень слабому человеку.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ:

Взгляд со стороны

Иван Александрович Гиреев посетил «преисподнюю».

Первым его заметил Коваль и забил тревогу: позвонил Ярославу. Ярослав сердито буркнул в телефон: «Ну и что?» — и повесил трубку.

Крохмалев, пятый день пытавшийся рассчитать путь новой частицы, выделенной Чудаковым и Горячевым, предупредил своего шефа о появлении академика. Михаил Борисович незамедлительно проследовал вниз.

Гиреева сопровождал Кириллов. В хаосе настроенных и демонтированных приборов, начатых и оставленных опытов и проверок было трудно разобраться. Кириллов добросовестно информировал обо всем, что тут делалось и намечалось на будущее.

У анти-ро-мезонной цепи они встретились.

Михаил Борисович пытался давать Крохмалеву свои «ценные указания», а Валька Коваль стоял в сторонке и переживал. Схема отладки была у него в кармане, но товарищ Крохмалев не удостоил техника объяснениями, для чего ему понадобилось повторять опыт. И Валька, помнивший, как Кроха загубил предыдущий опыт Горячева и Чудакова, мужественно страдал и страшился, однако продолжал утверждать, будто не помнит расположения приборов. Страшился он правильно: если Кроха запустит установку по догадке, черт его знает, что произойдет.

Иван Александрович поздоровался со всеми и несколько насмешливо спросил Красова:

— Вас уже предупредили?

— Меня пригласил Сергей Семенович. Он проверяет опыт Чудакова,— сухо ответил Красов.

— А где же сами экспериментаторы?

— Участие в проверке для них не обязательно,— твердо сказал Красов.

— Я что-то не замечал раньше особой приверженности у Сергея Семеновича к экспериментам. Он ведь у нас в основном-то теоретик...— сказал Иван Александрович, словно и не замечая, как краснеет и бледнеет Крохмалев.— Кстати, прошлое участие Сергея Семеновича в эксперименте с ро-мезонами привело к недопустимой задержке открытия,— словно только что

вспомнив об этом, добавил академик.— Вы не находите, что такие проверки не ускоряют, а замедляют нашу работу?

— Кто-то все равно должен проверить их опыт,— по-прежнему с твердостью в голосе проговорил Красов.

— Так вот вы и заставили бы их повторить весь эксперимент! — спокойно возразил академик.— Кстати, почему они отсутствуют?

— А у них отобрали пузырьковую камеру, вот эту самую, что сконструировал Чудаков,— невинно сказал Кириллов.— Сейчас они работают со старыми фотопленками. Горячев пытается теоретически предсказать новую частицу. Даже название уже придумал — фи-ноль-мезон. Не знаю, что он может сделать при помощи карандаша и бумаги, но, говорят, знаменитый астроном Леверье вычислил таким именно образом положение новой планеты. Может, и он помучится и научится...

— Чему он может научиться? — недовольно спросил Гиреев.

— Почтению к старшим! — тем же невинным голосом заметил Кириллов.

Михаил Борисович чувствовал, как его постепенно охватывает ярость. Было похоже на хорошо срепетированную сцену спектакля: каждая реплика бьет по нему. А Гиреев, словно сразу потеряв всякий интерес к опыту, пожал плечами и сказал:

— Ну что ж, продолжайте. А попозже зайдите ко мне, Михаил Борисович.

Он ушел вместе с Кирилловым. И тут Михаил Борисович дал себе волю.

— Вы, что же, не могли вовремя взять копию расчетов? — обрушился он на Крохмалева.— И вы, Коваль, тоже хороши! По окончании эксперимента вы были обязаны сделать полные записи и чертежи!

— Так ведь я только исполнитель, Михаил Борисович,— жалобно проговорил Коваль.— А Чудаков свои расчеты никому не доверяет. Говорит, что у него уже был прокол по вине Сергея Семеновича...

— Попробуйте эмпирически! — приказал Красов.

— А если тут что-нибудь произойдет? — Коваль боязливо кивнул на камеру.— Это ведь, Михаил Борисович, не наши привычные протоны, это античастицы! — Он вытянул указательный палец, словно прислушиваясь к звучанию нового слова.

— Тогда идите к Чудакову и докажите ему, что он не имеет права скрывать схему опыта!

— А вы бы сами, Михаил Борисович! Или сказали бы Ивану Александровичу... Ивана Александровича они послушаются...

Красов резко повернулся и затопал к выходу. Растерянный Кроха постоял-постоял возле аппаратов и тоже поплелся вон. Валька прислушался, как грохнула тяжелая дверь, взялся за манипуляторы и принялся устанавливать приборы в исходное положение. Он помнил наказ Чудакова: опыт поставить. Никогда не вредно повторить пройденное. При повторении можно найти кое-что новое.

А Михаил Борисович, миновав свою резиденцию, проследовал прямо в приемную академика. Что-то опасное было в этом внезапном появлении Гиреева в «преисподней», в этом разговоре, в подначивании Кириллова, в неподчинении Коваля. Странным образом на память пришли строчки Маяковского, которого он даже и не любил, но почему-то строчки припомнились:

Которые тут временные? Слазь!
Кончилось ваше время...

Нет, не то чтобы он почувствовал себя «временным», не в этом дело! Он лучше других знал, что лошадка, которую он оседлал еще до рассвета, мирно повезет его до самого заката. А физика только еще переживает свое раннее утро. Конечно, надо порой доказывать свое право на шествие в первой колонне, но этому он научился так давно, что ему незачем переучиваться. Вот только какие-то подземные колебания чудятся в этом дворце науки. Того и гляди коридоры закруглятся, покосятся потолки, а потом поди-ка поищи выхода!

Но он был старым бойцом и знал, что лучше всего идти навстречу опасности. Выигрывает тот рапирист, который первым коснется противника. Иван Александрович напал на него, но напал без охоты. Возможно, его вынудили обстоятельства?

Марина Саввишна была на посту. Едва завидев Михаила Борисовича, она улыбнулась самой обаятельнейшей из своих улыбок, распределенных строго по рангу посетителей академика. Михаил Борисович облегченно вздохнул: академик никому и ничем не показал своей к нему немилости. Значит, и немилости нет.

— Проходите, Михаил Борисович, академик сказал, что вы зайдете...

Так! Академик сказал... Впрочем, это тоже ничего не значит. Академик не сказал же: «Сейчас придет Красов, пропустите его!» Он просто сказал, что когда придет Красов, дайте нам возможность побеседовать наедине. А когда Красов придет, он и не пытался предугадывать. Правда, лучше было бы прийти попозже, но теперь этого уже не исправишь. И все-таки можно поставить себе в вину, что потерял выдержку. Раньше ты сначала обдумал бы все, выбрал бы наилучший момент из всех возможных, зашел перед концом работы, когда все торопятся по домам, и разговор, если он предстоит, был бы кратким, на бегу, остался незаконченным, а назавтра был бы забыт. Но ты поторопился, а это уже похоже на то, что ты признаешь какую-то свою вину. Но менять что-либо было уже поздно!

Академик читал какую-то книгу и ставил размашистые знаки на полях красным карандашом. Взглянув поверх очков на Михаила Борисовича, пробормотал: «Очень рад!» — снял очки, положил их на книгу, а сверху швырнул газету. В этом было что-то новое, неприятное. Раньше Ивану Александровичу, как и самому Михаилу Борисовичу, не пришло бы в голову скрывать друг от друга, кто чем занимается. Красов нахмурился.

— Садитесь! — пригласил академик, а сам встал из-за стола.— Хотите чаю или кофе?

— Спасибо.

— Спасибо — нет или спасибо — да? — хмуро пошутил Иван Александрович, прошел к двери, приоткрыл: — Марина Саввишна, два стакана крепкого чаю. Я буду занят.

«Да,— размышлял про себя Михаил Борисович,— видно, он давно готовился к этому разговору».— Захотелось встать, обойти стол и приподнять газету: «Что под нею? Не мою ли работу читает?» А Гиреев медленно ходил вдоль стены, хмурясь по поводу каких-то своих мыслей, не обращая внимания на Михаила Борисовича. «Мы проработали вместе два десятка лет. Могло быть и так, что я руководил бы всем институтом, а любезнейший Иван Александрович заведовал лабораторией!» — И оборвал себя: так быть не могло! В те дни, когда у него оставалось время для выбора, брать в свои руки институт было опасно. А Гиреев всегда был бесшабашным прожектером, хотя ему почти все удавалось. А может быть, удается именно тем, кто действует по наитию? Кто бесшабашен?

Михаил Борисович, однако, чувствовал, что такое предположение было опасно. Тут легко скатиться к вере в предопределение. Но, ничего не скажешь, Гиреев оказался прав, приняв в свои сильные руки новый институт. А Михаил Борисович так и остался начальником лаборатории, хотя лаборатория и считалась самым важным звеном института...

Его размышления прервали легкие шажки Марины Саввишны: она принесла чай, мельком скользнула опытным взором по их лицам и вышла. Дверь мягко закрылась, щелкнул замок.

Гиреев рассеянно взял стакан, позвенел ложечкой, отпил глоток, не присаживаясь. Красов мрачно подумал: «Э, брат, администрировать тоже нелегко!» Но в это время Гиреев, повернувшись к нему, вдруг спросил:

— Говорят, от вас ушла дочь?

— Не ушла, а увели! — грубовато ответил Михаил Борисович.

— В сущности, это и значит — уйти! — отрезал Гиреев.— Не можете же вы не признать, что она покинула ваш дом из-за несогласия с вами? В противном случае все было бы наоборот: Бронислава Григорьевна в это время ездила бы с Нонной Михайловной по портнихам, у вас было бы сияющее лицо, в институте говорили бы о предстоящей свадьбе, наши жены выбирали бы подарки молодым, ну, а мы, пожилые, завидовали бы Алексею Фаддеевичу и готовились хором кричать: «Горько!» Разве не так?

— Вам бы романы сочинять! — неприязненно произнес Красов.

— Предпочтительнее было бы прочитать вашу исповедь,— задумчиво сказал Гиреев.— Что-нибудь на извечную тему «Отцы и дети». Может быть, вы открыли бы некий иной взгляд на сей конфликт? Например, как некоторые отцы подрывают веру детей в свои моральные качества. Вы не находите?

— Иван Александрович, оставьте, пожалуйста, этот нравоучительный тон! Вы не священник, а я об отпущении грехов не прошу! Если вы считаете, что я должен подать заявление, будто не сработался с вами, то я таковое не подам. И в Академию просить о новой работе не пойду. А уволить меня президиум Академии не позволит!

— Вот именно! — подтвердил Гиреев.

— Тогда к чему этот разговор?

— К тому, милейший Михаил Борисович, что теперь, когда ваши молодые ученики доказали, что король гол, вам придется снова наращивать авторитет, как кристаллы на высушенную веточку. И разумнее всего было бы пройти такую кристаллизацию на новом месте. Я не удивлюсь, если здесь каждую вашу новую работу молодые будут брать под сомнение.

— Ничего, вам ведь тоже придется оберегать свой авторитет,— язвительно заметил Красов.— А уж я как-нибудь продержусь в вашей большой тени.

— Вон вы как рассуждаете!..— задумчиво заметил Гиреев.

— Да уж как умею! — запальчиво бросил Красов.

— Кстати, посмотрите там с нашими хозяйственниками, нельзя ли выделить молодоженам двухкомнатную квартиру. Они ведь оба работают и оба кандидаты наук.

— Почему вам кажется, что это «кстати»?

— А вы что, собираетесь воевать с ними дальше?

— На попятный не собираюсь.

Гиреев внимательно посмотрел в его побагровевшее лицо. Пожал плечами. Прошел из конца в конец кабинета, снова остановился напротив.

— А я считал вас умнее!

Красов насупился. Он понимал, что переборщил в своей ярости. Да и ярость эта наполовину была напускной. Дочь все равно ушла. Более того, она заговорила. Этакая Валаамова ослица, изрекающая чужие премудрости. Держать дочь при себе просто опасно. То же самое, что держать в собственной крепости соглядатая из чужого лагеря. Так Михаил Борисович и сказал жене. И жена согласилась. Хотя бы внешне она на стороне мужа. Потом, конечно, она побежит с визитом в тот лагерь: посол голого короля. Но сделает это тайно. И все будет прилично и благопристойно. И какое у Гиреева право вмешиваться в его семейные дела?

Он так взвинтил себя, что готов был вскочить и хлопнуть дверью. Но Гиреев оказался предусмотрительнее: встал спиной к двери, словно решил не выпускать его отсюда, и заговорил медленно, повелительно, как говорил всегда, передавая не терпящие отлагательства решения:

— Вот что, дорогой Михаил Борисович, до сих пор я смотрел сквозь пальцы на ваши схватки с молодежью. Однако ж пора понять, что не всякую лошадку можно оседлать, иная и сбросит... А уж если ваши лошадки заартачились...

— Ну, это мы еще посмотрим! — ядови-

то сказал Красов.— Не думаю, чтобы все академики стали на вашу точку зрения! — Он смотрел на Ивана Александровича с нескрываемым превосходством.

— Позвольте уж мне закончить! — насмешливо продолжил Иван Александрович.— Как раз об этом я и хотел с вами поговорить. Вы отлично знаете, что и высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты у нас отличные. И выдающихся ученых, в том числе и молодых, у нас предостаточно. И многие из этих молодых,— подчеркнул он,— известны не только у нас, но и за рубежом. А вот организация работы в наших научных институтах, подбор кадров, расстановка сил, экономическое и моральное стимулирование зачастую заставляют желать лучшего. А ведь задача-то у государства одна: сделать научную работу самой производительной сферой общественного труда. Число научных работников у нас в стране непрерывно растет. Что же, вы так и будете всю приходящую в науку молодежь держать в должности младших научных помощников? Вот уже и очередной съезд партии готовится, а уж на нем-то о роли науки в таком высокоорганизованном государстве, как наше, речь пойдет непременно...

— Так что же,— несколько сбавляя тон, но все так же зло, спросил Михаил Борисович,— вы советуете мне уйти с дороги и уступить место моей милой дочери и богоданному зятьку?

— В ваши семейные дела, дорогой Михаил Борисович, я вмешиваться не собираюсь. Но, как вы понимаете, институт, которым я руковожу, обязан работать. И кое-что искать и находить. Судя по всему, время ваших открытий и находок ушло в прошлое. Но вы воспитали отличную смену. И я убежден, что смена эта понимает вашу роль в их воспитании. Но теперь они достаточно выросли, чтобы мы могли доверять им. А вы в отместку за их плохое, с вашей точки зрения, поведение лишили их возможности работать. Это уже просто антигосударственно!

— А вы считаете, они правильно поступили? — возмущенно выкрикнул Красов.

— Погодите, погодите! — Гиреев досадливо помахал рукой.— Еще древние говорили: если Зевс захочет кого-нибудь наказать, он отнимает у него разум! Оставьте в покое ваше самолюбие! Они должны работать, чтобы оплатить нашу с вами заботу об их обучении! Поэтому я решил выделить из вашей лаборатории особую группу: пусть она будет называться Экспериментальной лабораторией ядерных проблем. Временно исполняющим обязанности начальника я предполагаю назначить Горячева. Техническим руководителем назначим Чудакова. Все лаборатории института передадут в эту лабораторию необходимых им работников по их списку. Кажется, из вашей лаборатории они никого и не возьмут, так что это отпочкование не помешает вашей работе. Но подчиняться новая лаборатория будет непосредственно мне...

— А как же мы?..— ни с того ни с сего пробормотал Красов.

— Я предлагал вам поискать новое поприще для приложения сил... Но вы умный человек и, вероятно, быстро найдете себе других учеников... У меня все. Есть возражения?

— Н-нет...

— Ну, что же, как говорится, с богом! Попрошу лишь учесть, что машинное время на ускорителе должно выделяться по первому требованию новой лаборатории. Кстати, чем там занимается сейчас Крохмалев? Проверкой опыта Горячева и Чудакова? Можете сообщить ему, что проверка проведена в лаборатории профессора Богатырева. Результаты отличные. Экспозиция опыта передана в Институт металлов: там разрабатывается практический метод бомбардировки античастицами сверхлегких сплавов...

Красов поднялся, толкнув стол. Звякнула ложка в нетронутом стакане. В глазах было темно. Но вот луч света прорезал эту странную темноту, и он увидел спасительную дверь. Гиреев в некотором замешательстве смотрел, как Михаил Борисович удалялся из кабинета, неверно ставя ноги. Но голову он держал по-прежнему высоко.

ЭПИЛОГ

Прошло довольно много времени, пока мои случайные записи выстроились в законченную историю обескрыленной Ники и превратились наконец в повесть.

Не следует, конечно, думать, будто я только и делал, что сидел за письменным столом. Нет, для того, чтобы повесть ожила, мне понадобилось познакомиться не только с героями, но и с местом действия, проникнуть в суть научных исследований моих действующих лиц и, пожалуй, прежде всего в душу человека...

Конечно, бывая в институте, я не очень откровенничал о том, что задумал и делаю, но, кажется, Михаил Борисович Красов, с которым мне пришлось по необходимости познакомиться, догадывался о цели моих частых посещений. Во всяком случае, мне скоро перестали давать пропуск в «преисподнюю» под тем предлогом, что идет монтаж нового оборудования, а после этого прекратились и личные собеседования, так как он постоянно оказывался занят, а Иван Александрович Гиреев слишком часто бывал в отъезде.

Однако впечатления и записи в моих блокнотах остались, как остались и дружеские связи со многими работниками института. Я просто перекочевал со всеми моими недоуменными вопросами сначала в другой институт, потом в третий, пытаясь как можно глубже изучить взволновавшую меня проблему становления ученого. Я уже понял, что откровенность моих друзей не понравилась товарищу Красову и его немногим последователям и что вполне возможны некие «административные меры». Меня-то они, может, и не коснутся, а вот на тех, кто делится со мной своими мыслями, могут нечаянно обрушиться. И я поторопился окончить свою работу.

Вот тогда-то и произошло нечто неожиданное.

Как только рукопись легла на стол редактора, раздался телефонный звонок из одной научной инстанции.

«Нам стало известно,— говорили на том конце провода,— что редакция предполагает опубликовать повесть о работниках науки. Намерение весьма похвальное, тем более что о людях науки пишут мало. И мы хотели бы ознакомиться с повестью, чтобы помочь автору избежать ошибок, которые могут оказаться в произведении, так как автор не специалист в данной области...»

Такого рода рецензирование порой проводится при выпуске популярной литературы, рассказывающей о том или ином научном открытии.

Но повесть... Ведь автор писал не о науке, а о людях, творящих науку! Впрочем, редактор поблагодарил отзывчивого товарища и согласился, что такая помощь может быть полезной...

Как я уже говорил, узнал я об этом значительно позже. Закончив повесть, я уехал в Среднюю Азию, где произошла в то время крупнейшая горная катастрофа. В верховьях реки Зеравшан обвалилась огромная гора и перекрыла русло реки естественной плотиной в двести пятьдесят метров высоты. А на реке Зеравшан стоят и питаются водами этой реки некоторые крупные города Средней Азии и ирригационная сеть колхозов и совхозов. И вот люди сотворили подвиг, потрясший мое воображение: они в две недели ликвидировали катастрофу и выпустили реку на волю. Об этом подвиге и собрался я написать свою новую повесть.

Пока я знакомился с новыми людьми и беседовал со свидетелями и участниками беспримерного деяния, прошли все сроки, когда история бескрылой Ники должна была появиться в журнале. На мои запросы мне отвечали как-то не очень определенно. Пришлось прервать новую работу и отправиться в Москву.

Рукопись все еще находилась в научной инстанции, куда была переслана на одну неделю.

Наконец, я узнал, что она на руках у Михаила Борисовича Красова. Я терпеливо ждал, но и мое терпение лопнуло. Надо было выручать рукопись.

Я позвонил Михаилу Борисовичу. Он разговаривал со мной любезно, как всегда. Правда, видеть меня не пожелал, но по телефону весьма обстоятельно рассказал, как возмутила его коллег моя повесть, и даже пообещал прислать через два-три месяца подробную рецензию, подписанную чуть ли не всеми членами Ученого совета института...

К моему удивлению, через два дня рукопись была возвращена в журнал. К ней прилагалась рецензия из восьми строк. По одной на месяц ожидания! В рецензии предлагалось убрать из рукописи две фразы. Я их тут же вычеркнул.

Видимо, что-то случилось в институте! На очередном симпозиуме физиков-ядерщиков в Московском университете я неожиданно встретил Ивана Александровича Гиреева и рассказал ему о своих злоключениях. Гиреев совершенно по-мальчишески подмигнул мне, а потом вдруг словно бы осветился своей открытой улыбкой:

— А все-таки здорово помяли бока Михаилу Борисовичу Красову наши молодые петушки!

— Из чего это видно?

— Разве вы не заметили, что он стал трусоват? В прежние времена, доведись ему заполучить в руки такую рукопись — я ведь понимаю, что вы не лавровый венок ему сплели! — едва ли бы вы получили ее обратно. А если бы и получили, так она оказалась бы такой же подстриженной, как английские газоны.

— Но чего же ему бояться какой-то повести?

— А уж тут сказывается его дальновидность. Ученики-то ему нужны? Академиком-то он еще не стал! Все надо предусмотреть!

Я стал прощаться, собираясь уходить, когда Иван Александрович остановил меня:

— А доклад Горячева вы разве не хотите послушать?

— В повестке дня такого доклада нет! — недоуменно ответил я.

— Пришлось вмешаться,— улыбнулся он.— Горячев докладывает об открытии новой частицы — фи-ноль-мезона. Везет же этому молодому человеку! Каждый раз, как нацелится на что-нибудь, обязательно приходит с уловом!

Естественно, что я остался.

Горячев на трибуне высокого собрания, трепещущий, как оружейная сталь, узколицый, гибкий, был великолепен. А в глубине зала, у экрана, на который проецировались фотоснимки нового явления, я заметил Чудакова и Валентина Коваля — они едва успевали отмечать длинными указками те особенности взрывов, о которых говорил Горячев. И я порадовался: они вместе!

После окончания доклада я их проводил домой. Нонна Михайловна и маленький сын Горячевых уже спали. На столе Алексея Фаддеевича стояла благословляющая хозяев Ника. И я не посмел напомнить о том, что ее когда-то обещали мне... Что значили весь мой труд и все мои огорчения по сравнению с той большой работой, которую вели эти люди, открывающие Необыкновенный Мир неведомого и прекрасного...

Автор

1963—1966.
Москва — Дубна — Малеевка — Москва.

С. Дудник. ПРОДАВЩИЦА СУВЕНИРОВ.

Ю. Подлясский. СЕНТЯБРЬ.

В. Ульянов. МОЛОДЫЕ.

29 мая — День химика

«Увеличить производство продукции пищевой промышленности примерно в 1,4 раза. Повысить питательные и вкусовые свойства продуктов...» — записано в Директивах по пятилетнему плану развития народного хозяйства.

Не случайно сегодня сохранность продукции, правильность хранения стала точкой пересечения, в которой вольно или невольно встречаются любые исследования в области пищевой промышленности...

Эликсир свежести

А. ДЕНИСОВ

Удивительные тормоза

Странный покупатель смущенно поглядывал на хихикающих продавцов, но тем не менее упорно стоял на своем. Он требовал самый старый, невзрачный кусок сала. С трудом добившись своего, тщательно уложил покупку в портфель и ушел, сопровождаемый сочувственными взглядами. Кумушки, судачашие ему вслед, были первыми свидетелями начала научного эксперимента.

Эксперимент продолжили в одной из лабораторий Института химической физики Академии наук СССР. Здесь сало разрезали пополам. Один кусок, как есть, положили на полку, а второй обработали недавно синтезированным препаратом. Спустя месяц первый кусок, высокопарно именуемый контрольным образцом, бесславно погиб. Второй пролежал целый год.

Оказывается, произошло следующее. Известно: все, что содержит жиры — масло и мясо, птица и свежая рыба,— не выносит контакта с кислородом воздуха. Начинается окисление, а вместе с ним появляется прогорклый привкус. Процесс распада жиров напоминает лавину: разрушилась одна молекула, ее осколки разбили две соседние, те, в свою очередь, четыре... Идет цепная реакция, которая, как доказал академик Н. Н. Семенов, имеет отношение не только к делению урана, но и ко многим реакциям в природе.

Итак, идет цепная реакция. Ее нужно остановить, оборвать разрастающиеся цепочки, найти тормоза. Эту задачу с успехом выполняют вещества, звучно именуемые антиоксиданты, или антиокислители.

В этой истории примечательна одна деталь. Возглавляет Институт химической физики, где был создан этот препарат, Герой Социалистического Труда, лауреат Нобелевской премии академик Н. Н. Семенов. Согласитесь, это говорит о многом, когда крупнейший в нашей стране научно-исследовательский центр занимается малой химией, вносит и свою лепту в дело консервации продуктов.

Зачарованные овощи

Казалось бы, что общего между консервантами и лекарствами полей: ядохимикатами и стимуляторами роста растений. На первый взгляд действительно, ничего общего нет, но...

Долгое время считалось, что каждому препарату свое: стимуляторам — ускорять, гербицидам — уничтожать. Однако практика не всегда подтверждает теорию. Случалось, что гербициды лишь приостанавливали жизнедеятельность сорных трав, а стимуляторы в определенных дозах не только не давали ожидаемого эффекта, а, наоборот, убивали растения.

Ученые занялись расшифровкой механизма действия этих коварных веществ. И увидели, что деление на стимуляторы и гербициды условно. Что все зависит от силы химического удара или, точнее, от концентрации ядовитого вещества.

Если его мало, то живой организм активно сопротивляется. Усиливается обмен веществ, а вместе с ним рост и процессы созревания.

С увеличением концентрации стимулятор становится консервантом. Организм уже не в состоянии бороться, жизненные процессы замирают, растение как бы впадает в спячку. И, наконец, еще более высокая концентрация — гербицидная — убивает.

Ядохимикаты в качестве снотворного для растений — это было открытие. Конечно, консервировать растения на полях никто не собирался, но сама по себе такая возможность подсказала прием, с помощью которого удалось перехитрить природу.

Биологические законы неумолимы. Все знают, например, что как только возникают подходящие условия, растения и овощи прорастают. Этот естественный в природе процесс — горе и беда для овощехранилищ. Например, чтобы хоть как-то остановить прорастание, приходится время от времени вручную обламывать ростки картофеля.

Когда-то у моряков был такой обычай. Если корабль подплывал к тропическому острову, на котором водились черепахи, то их обязательно захватывали с собой как живые консервы. В пути черепах не нужно ни кормить, ни поить: они засыпают, жизнедеятельность их организма останавливается.

Нечто подобное, но только в отношении овощей, подсказал ученым расшифрованный механизм действия физиологически активных веществ. Ведь уснувшие под действием консервантов овощи, как заколдованная принцесса из сказки, проснутся, лишь когда наступит назначенное волшебником, то есть ученым, время.

Снотворное для лука, сахарной свеклы, картофеля и других овощей уже создано. Его называют «М1», «ТБ», «ГМК» (как всегда, полное химическое наименование заняло бы две строчки). Консервируют этими препаратами не только на складах, но и прямо на полях за две-три недели до уборки урожая. А потом отправляют зачарованные овощи в хранилища.

Микро-чудеса

Однажды химики решили проверить, почему при прочих равных условиях некоторые ягоды — клюква, рябина, брусника — хорошо сохраняются. Почему они пользуются меньшим успехом у микроорганизмов, чем, скажем, малина или черешня? Оказалось, что ответ был получен более ста лет назад, когда из ягод рябины выделили белые кристаллы сорбиновой кислоты. Так заново открыли одно из самых мощных соединений химической группы консервантов, которое, кстати говоря, именно рябине обязано своим названием («сорбус» — по-латыни рябина).

Проблема консервации стара, как мир, и вечна, как смена времен года. Летом и осенью — изобилие, зимой и весной — подчас пустые прилавки овощных магазинов. Кое-что, конечно, удается сохранить. Ценой строительства огромных складов и дорогих холодильников. Но это жалкие крохи.

Выход вроде бы есть — консервируй! Квашеное, засоленное, маринованное, сваренное с сахаром не портится. Бактериям нечем питаться в этой среде. Но... изменяется вкус, распадаются витамины, снижается биологическая ценность продукта.

Вы резонно возразите: а как же извлеченная из рябины сорбиновая кислота, которая ничего не разрушает? Правильно. Всем она хороша. Да слишком дорога. Чтобы получить один килограмм сорбиновой кислоты, нужно переработать полтонны ягод. Так и быть бы ей, дважды открытой, близким локтем, который не укусишь, если бы не химия.

Сорбиновую кислоту рассыпали на составляющие, а потом собрали снова, теперь уже из дешевых и доступных веществ. Это сделали ученые Тамбовского научно-исследовательского института химикатов для полимерных материалов. А некоторое время спустя по соседству, на Тамбовском химическом комбинате, вырос цех промышленного синтеза эликсира свежести.

Пять-шесть сотых процента сорбиновой кислоты или ее солей — сорбатов калия и натрия — творят чудеса. Они полностью останавливают развитие плесени и грибков. После сорбиновой ванны до нового урожая хранятся фрукты, зерно, картофель. Вино, консервированное крошечными дозами кислоты, не портится. А известные неженки — соки и компоты,— страдавшие из-за термической стерилизации, теперь в ней не нуждаются. Легкое подогревание плюс сорбиновая кислота полностью сохраняют вкус и витамины еще в свежих овощах и фруктах. Причем даже совсем не обязательно герметично упаковывать банки.

Холодильники без холода

Микродозы и микродобавки консервирующих веществ имеют обыкновение называть «малая химия». Но если заглянуть в Директивы XXIII съезда КПСС, то мы увидим, что это далеко не малая проблема. За годы пятилетки производство консервов шагнет от 7 миллиардов к фантастическим, но тем не менее реальным 13—13,5 миллиарда условных банок в год. За микро встает не просто макро, а судьба всей консервной промышленности.

У сорбиновой кислоты немало простых, удобных и хорошо себя зарекомендовавших друзей. Среди них бензойная кислота и ее натриевая соль, борная кислота и бура, уротропин, который, разлагаясь, отщепляет знаменитый антисептик — формальдегид, и совсем новые соединения типа диэтилпирокарбоната, популярного тем, что в организме человека он распадается на прекрасно усваиваемые продукты — углекислоту и этиловый спирт. Терпеливо ждут своей очереди новые консерванты, потому что всегда остается в силе заповедь: тысячу раз проверь — один раз съешь!

Не выходят в тираж даже старые, казалось бы, отжившие свой век консерванты. Например, сернистый ангидрид. Этот убивающий микробы газ оказывает бактерицидное действие только в момент контакта с вредителями. Проходят дни, и новые микробы сменяют павших. Необходимо повторное окуривание. Так и гоняли фрукты взад-вперед, со склада в камеры.

Сегодня фрукты в хранилищах лежат неподвижно. Дно ящиков посыпано порошком метабисульфита калия. Этот хитрый препарат очень нестоек, а разлагаясь, равномерно выделяет все тот же сернистый ангидрид. Остроумные исследования ученых Московского института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова и их коллег из Самаркандского кооперативного института имени В. В. Куйбышева возродили консервант.

Экономика этого открытия выглядит следующим образом: стоимость дозы порошка для одного ящика винограда — приблизительно 1,5 копейки.

Сернистый ангидрид одним ударом убивает двух зайцев: он расправляется с вредителями, а заодно тормозит биохимические процессы, дает тот самый эффект, которого обычно добиваются охлаждением до нуля градусов. Такие холодильники без холода — простые и дешевые — заменяют камеры, похожие на заводы-автоматы, где дозревание фруктов тормозилось ювелирной регулировкой подачи углекислого газа.

ВЕЧЕР ЛИРИКИ

Московский май совпал с месячником книги. 19 мая в Центральном Доме журналиста открылся книжный базар. Гостей-книголюбов привлекла и встреча с поэтами, чьи книги здесь продавались.

На эту встречу пришли поэты, выступающие на страницах «Огонька». Майский вечер новых стихов открыл Анатолий Софронов. А затем читали свои произведения Лариса Васильева, Евг. Долматовский, Дм. Ковалев, Вл. Котов, А. Марков, Вас. Федоров и Людмила Шикина.

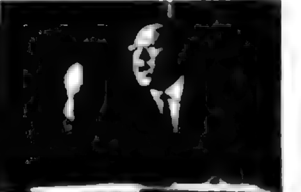
Фото Е. Умнова.

Л. Васильева.

Е. Долматовский.

Д. Ковалев.

В. Котов.

А. Марков.

В. Федоров.

Л. Шикина.

10 000 метров на стадионе Коломб в Париже. Впереди советский стайер К. Орентас, за ним Л. Иванов, победитель этого бега, и французы М. Жази и Р. Файоль.

НОВЫЙ РИТМ

Г. КОРОБКОВ,
старший тренер сборной команды СССР

После тяжелых, я бы сказал, удручающих поражений 1964 года в Лос-Анжелосе и Токио мало кто в мире, да и у нас в стране, ожидал, что наша сборная команда по легкой атлетике найдет силы, чтобы взять у американцев реванш. Помню большую пресс-конференцию в Киеве накануне матча СССР — США 1965 года. Если журналисты и задавали вопросы, то все они сводились к тому, что меня спрашивали, какое минимальное количество очков проиграют советские спортсмены американцам. У американского же тренера Брутуса Гамильтона допытывались, сможет ли его команда превзойти Лос-Анжелос.

Оба мы, я и 65-летний Гамильтон—ветеран американской легкой атлетики, отшучивались, как могли, но никто из нас не назвал хотя бы приблизительно того количества очков, которое могут разделить две сильнейшие команды мира к вечеру 1 августа, когда закончится «Матч гигантов».

После пресс-конференции Гамильтон сказал мне: «Каждый раз удивляюсь, как эти парни далеки от спорта. Они столько лет околачиваются около него и не могут понять простой истины,— что вся прелесть его в неизвестности.— Немного подумав, он добавил:— Да, а сено-то уже в амбаре, и наша с тобой работа окончена. Теперь остается лишь ждать, что скажут ребята». Гамильтон говорил, что его настоящее призвание—фермерство и что тренер он временный, в течение последних сорока с лишним лет. И когда матч закончился нашей победой, Брутус Гамильтон, поздравляя меня, сказал, хитро улыбаясь: «Да, сено в амбаре, но я не сказал, чье сено».

В амбаре оказалось наше сено, и это вызвало сенсацию за океаном. Но старина Брутус не изменил своему хладнокровию и чувству юмора до конца и, когда на аэродроме в Нью-Йорке журналисты атаковали его, сказал: «Господа! К чему паника? Мы проиграли матч по легкой атлетике. Не войну».

На волне этой победы прошел для нас послеолимпийский сезон 1965 года, и завершили мы его, завоевав в Штутгарте золотой флорентийский кубок и серебряную статуэтку — победные трофеи финалов Кубков Европы по легкой атлетике для мужчин и женщин.

Мы не повторили ошибки американцев. Несмотря на фанфары победных прогнозов, наши спортсмены настраивались на тяжелую борьбу. И правильно сделали. На финише в Штутгарте нашу мужскую команду отделяло от команды ФРГ только одно очко. Но оно было наше.

Я написал «завершили» и подумал, что сезон фактически не был завершен, просто легкоатлеты перешли с открытых стадионов под крыши, да и то не везде.

Зимой 1966 года многие любители легкой атлетики были приятно удивлены, когда вслед за сообщениями о соревнованиях, которые состоялись уже в декабре 1965 года в Гагре, в газетах замелькали телеграммы из Новой Зеландии, Австралии, США, Канады, Швейцарии, Испании, Франции, Бельгии, Чехословакии, ФРГ. Все они сообщали о выступлениях наших легкоатлетов. А затем ареной зимних международных соревнований стали Таллин, Рига, Каунас и Дворец спорта стадиона имени Ленина в Москве.

Да, сердце советской легкой атлетики с 1966 года стало биться в новом ритме. Цель —развить нужную скорость к моменту открытия XIX Олимпийских игр в Мехико. Удастся ли это, покажет будущее, но уже сегодня ясно, что наступающее лето наши лучшие спортсмены встречают в отличной форме.

Смогут ли наши атлеты сделать еще один шаг вперед? Думаю, что они его сделают, но особую тревогу у нас, как всегда, вызывает бег. Долго ли еще жить рекордам Куца и Болотникова? У нас собралась отличная компания, от которой мы вправе в ближайшие два года ждать ответа на этот вопрос. Олег Райко, Геннадий Хлыстов, Виктор Кудинский, Анатолий Макаров, Янис Якубовс, Степан Байдюк, Николай Крутолапов, Михаил Желобовский, Николай Дутов, Антс Нурмекиви, Александр Морозов — вот далеко не полный перечень тех, кто летом прошлого года и зимой нынешнего года заявил о себе в полный голос, кто претендует на рекорды, в том числе и на рекорды Куца и Болотникова, рекорды, которые теперь уже перешли из разряда мировых в разряд всесоюзных.

Чего же не хватает нашим бегунам, чтобы достичь вершин Снелла, Халберга, Рулентса, Жази, Кларка, Кейно — кумиров современного бега? Ответ очень простой и короткий: выносливости. Того качества, которое нельзя развить ничем, кроме как тяжелым, повседневным трудом. Скорости у каждого из них достаточно, чтобы стать рекордсме-

нами мира хоть завтра. Не хватает выносливости, чтобы, начав первый круг в беге на 5 тысяч метров за 63 секунды, пробежать следующие 11 кругов по 64—65 секунд и финишировать последние 200 метров за 30 секунд.

До сих пор многие наши бегуны, особенно на средние дистанции, недооценивают развитие выносливости и боятся тренировки марафонского типа, с большим объемом подготовки, а, как говорит опыт сильнейших, лишь такая тренировка раскрывает потенциал бегуна на любой дистанции.

Не все бегуны знают, что два сильнейших средневика нашего времени, Снелл и Эллиот, были первоклассными марафонцами. В тот год, когда Снелл побил мировой рекорд на 1 милю в Вангануи, на 880 ярдов и 800 метров в Крайсчерче, он сделал это через шесть недель после участия в первенстве Новой Зеландии по марафону на трудной трассе. Снелл за 5 километров до финиша находился в лидирующей группе, которая закончила дистанцию с результатом 2 часа 18 минут, и лишь по указанию своего тренера Артура Лидиярда ослабил усилия на финишном отрезке и не стал бороться за победу. Он ведь готовился к борьбе на другой дистанции. И не случайно Снелл победил и в Риме и в Токио в беге на 800 метров всех тех, кто по скорости, по результатам на дистанции 400 метров был на голову сильнее его. Секрет был в умении поддерживать до финиша среднюю скорость бега. Ведь человек, который пробежит 2 круга по 52 секунды, станет рекордсменом мира. Но пока мало кто приблизился к такой возможности. Снелл никогда не мог пробежать 400 метров быстрее 48 секунд, но во время установления рекорда мира на 800 метров первые 400 метров были им пройдены за 51,9 секунды, а вторые — за 52,4 секунды.

Очень поучительной для наших бегунов была поездка в Новую Зеландию, на родину Снелла. Там они провели, тренируясь и выступая в соревнованиях, весь январь нынешнего года. Эта маленькая далекая страна за последние годы дала миру немало выносливых людей, таких, как олимпийские чемпионы Питер Снелл и Мюррэй Халберг, как Барри Мэги и Джон Дэвис, Уильям Бэйли и Нэвил Скотт. В чем же секрет новозеландцев? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо знать, что такое Новая Зеландия: страна-ферма, страна — вечнозеленое пастбище, где трудно найти плоское место, где всегда то сухое, то влажное лето.

Бег в Новой Зеландии — это национальная традиция, а бегущие люди любого возраста не вызывают ни у кого ни удивления, ни любопытства. Бег — основное средство физического воспитания в школе. Мы видели на соревнованиях отлично подготовленных 11-летних бегунов на дистанции 880 ярдов. К 17—18 годам многие школьники за год «набегают» по 6—7 тысяч километров.

В традиции новозеландских бегунов воскресная пробежка на 20 миль (32 километра). В любое время года, в любую погоду в воскресенье утром по всей стране собираются бегуны и устремляются по дорогам и полям. Наши спортсмены соревновались каждую субботу. В любом городке проходят соревнования, и на них стартует много бегунов, но каждый раз мы были свидетелями, как назавтра все участники собирались для совместной воскресной пробежки в 20 миль. И так до следующего соревнования в субботу и следующих 20 миль в воскресенье.

Особый интерес представляет период горной тренировки новозеландских бегунов, во время которого они много бегают и прыгают, преодолевая крутые подъемы на огромной скорости, проходя спуски, пробегают много километров, совершая по 8—10 ускорений-рывков на каждом километре.

Тут есть над чем задуматься нашим бегунам и их тренерам. А чего достигли за зиму, тренируясь и выступая в новом ритме, наши бегуны, прыгуны и метатели, мы узнаем очень скоро.

Да, лето 1966 года для легкоатлетов будет жарким, и легких лавров мы не ждем. Впереди — и радости побед и разочарования поражений, но будем стараться, чтобы побед было больше.

●

В солнечном кольце

20 мая можно было наблюдать интересное явление — кольцеобразное затмение Солнца. Первыми его увидели жители северо-западной Африки (в Гвинее, Мали, Алжире, Ливии). На территории Советского Союза полоса кольцеобразного затмения прошла по Северному Кавказу, через Астраханскую область, пересекла с запада на восток степи Казахстана. Ее ширина — от 6 до 20 километров. Частное затмение наблюдалось почти на всей территории нашей страны, исключая ее восточные окраины.

Во время затмения осуществлена широкая программа фотографических, фотометрических и метеорологических наблюдений. В последние годы в связи с освоением космического пространства особый интерес приобретает задача уточнения орбиты Луны. Эти данные, а также измерения скорости Луны и неравномерностей ее движения имеют большое практическое значение для расчета траекторий лунных ракет. Фотографии, выполненные в различные моменты затмения, позволяют получить информацию о форме и размерах Луны.

Достижения космонавтики позволяют надеяться, что уже недалеко время, когда человек увидит солнечное затмение непосредственно с нашего естественного спутника.

Наш снимок сделан в Москве 20 мая в 13 часов 13 минут.

Б. ПШЕНИЧНЕР,
астроном

Фото Г. Макарова.

ИЗДАНО БИБЛИОТЕКОЙ «ОГОНЕК»

Если вам хочется от души посмеяться, а заодно и порадоваться тонкой наблюдательности автора, его умению подмечать смешные житейские ситуации и всяческие забавные стороны человеческих характеров, прочтите небольшую книжку рассказов известного австралийского писателя Алана Маршалла. Называется эта веселая книга очень-очень серьезно: «Страдай молча!» — и вышла она совсем недавно в «Библиотеке «Огонек» под номером тринадцатым.

Среди авторов остальных новых двенадцати книжек приложения к «Огоньку» — прозаики и поэты разных поколений, писатели из разных республик Советского Союза.

Ароматом цветущих садов, изумрудных долин Узбекистана веет от поэтического сборника Зульфии. Раздумьями о величии человеческого разума и человеческого духа, о силе творческого горения, побеждающей время, полны «Стихи последних лет» Павла Антокольского. И, как бы откликаясь на размышления старшего товарища по перу, Владимир Гордейчев в своей книге «Седые голуби» говорит о том, что поэту «главное веянье века надобно в сердце вместить». Евгений Евтушенко обращается к читателям с откровенной и доверительной интонацией: «Со мною вот что происходит...» — так озаглавил книжку поэт.

Самая первая по счету книга этого года — рассказы Олеся Гончара, очень разнообразные по своей тематике. Автор переносит нас то в суровые дни Великой Отечественной войны, то на колхозное поле, в «золотистое душистое море» подсолнухов, то на далекий северный берег — родину Мартина Андерсена-Нексе. И каждый раз в центре внимания писателя — человек во всей сложности его характера, человеческая судьба, подчас прекрасная, подчас нелегкая.

О трудных, а иногда глубоко драматических судьбах рассказывает и Владимир Максимов в книге «Шаги к горизонту». Лейтмотив его рассказов — победа добрых, хороших сил в человеке, глубокая уверенность в том, что даже после долгих блужданий по тернистым и извилистым тропкам человек непременно выйдет на прямую, светлую дорогу благодаря самой нашей жизни, благодаря окружающим его людям.

Светлые и радостные чувства рождает книга Анвера Бикчентаева «Морской бог». Писатель умеет передать свежесть восприятия окружающего, свойственную детям,— героям многих рассказов, включенных в этот сборник.

Безграничной любовью к родной земле, к прекрасной русской природе, к людям труда дышит ярко и своеобразно написанная книга рассказов Евгения Носова «Шумит луговая овсяница...».

А вот сюжеты, казалось бы, не очень близкие к действительности,— сюжеты рассказов Всеволода Иванова, которые сам писатель называл «фантастическими». Однако вот что написано писателем в предисловии к этим рассказам: «...я хочу истины, а не тайны. Я хочу показать психологическое состояние своих героев...» И дальше: «Зачем стыдиться вымысла? Вымысел ради доброй цели не может не нести людям добра». Три рассказа одного из крупнейших советских писателей, не увидевших свет при его жизни, включены в сборник под названием «Медная лампа».

Все, кому дорого творчество замечательного американского писателя, с волнением и благодарностью прочтут книгу «Портрет Хемингуэя», принадлежащую перу журналистки Лилиан Росс. Книга эта щедро иллюстрирована фотографиями, показывающими Эрнеста Хемингуэя в разные годы его жизни.

Все эти книги составляют пока только четверть объема изданий, которые будут выпущены в этом году «Библиотекой «Огонек».

Чет-нечет

Сало ФЛОР,
международный
гроссмейстер

Ничейный старт из шести партий комментаторы называли разведкой. Пусть будет так. Но еще не решено, как назвать середину матча. Может быть, чет — нечет?

Победа Петросяна в седьмой партии, потом две ничьи. Вторая победа — снова две ничьи. Победа Спасского в 13-й встрече... Но тут установившийся ритм был нарушен. Согласно графику, 16-я партия должна была окончиться результативно, однако оказалась одной из самых скучных в матче. Мирно закончилась и семнадцатая встреча, и восемнадцатая вопреки всякой логике завершилась ничейным исходом.

У Петросяна с восемнадцатой партией матча с М. Ботвинником связаны очень приятные воспоминания: тогда Ботвинник в лучшей позиции допустил ошибку, проиграл, и это стало началом конца. Теперь Петросян имел возможность добиться благополучного завершения матча с Спасским.

В последних восьми партиях Спасский, убедившись в том, что чемпион мира по вопросам дебюта запрограммирован исключительно хорошо, стремился избегать книжных вариантов. В 18-й партии Спасский позволил себе уж слишком большие нарушения законов шахматной теории и получил тяжелую позицию. В пресс-бюро так оценили эту позицию: «Сегодня матч окончится!» Но чемпион мира нерешительно повел атаку и предпочел штурму выигрыш пешки, а это дало Спасскому контршансы и привело еще к одной ничьей — пятнадцатой.

Каковы же шансы сторон на последнем этапе? По-прежнему у Петросяна заметное преимущество. Каждая ничья для него — шаг вперед. Если Спасский не найдет способа сорвать Петросяну строительство высотного здания из 20 ничейных этажей, то даже еще одна победа ему ничего, кроме морального утешения, не даст. Учитывая это обстоятельство, претендент, видимо, бросится на штурм, но дистанция финиша коротка, и поклонники Петросяна уверены, что если чемпион мира сумел сделать 15 ничьих, то и двадцати добьется. Чьи расчеты более точны, мы узнаем очень скоро: еще две недели, и имя чемпиона будет определено!

Вот они, священные мексиканские грибы.

Таблетки безумия

Для тревоги есть основания: речь идет о бедствии, постигшем американскую молодежь, затронувшем английскую и угрожающем французской. Оно зовется ЛСД — всего три буквы, сокращенное название вещества, вызывающего галлюцинации.

Сторонники ЛСД говорят: «Приняв это средство, мы чувствуем себя сверхчеловеками, оно дарует нам чудесные видения, делает нас счастливыми».

Пожалуй, ни в чем так наглядно не проявляются внутренние слабости и общественные язвы «свободного мира», как в эпидемии ЛСД. Его принимают, чтобы хотя бы на время выпасть из действительности, погрузиться в мир грез, почувствовать себя не таким одиноким и беззащитным перед лицом холодного, безразличного и жестокого мира.

Статистика — неопровержимый свидетель. Таблетки ЛСД разрушают психику, приводят к преступлениям и самоубийствам. Сейчас от пяти до десяти процентов студентов американских университетов попробовали таблетки ЛСД. Недавно один из них, способный молодой медик, совершил убийство. В полиции он признался: «Три дня я принимаю ЛСД, и вот уже три дня я не чувствую, где я, что со мной, существую ли я вообще».

Действие ЛСД длится десять — двенадцать часов. В это время человек как бы видит сны наяву; сторонники ЛСД называют их «путешествиями». Вот типичное путешествие. Приняв в третий раз порцию таблеток, девушка из Голливуда, словно ослепленная, закружилась по комнате. Ее охватила нервная дрожь. Рыдая, она бросилась на пол, охваченная невыразимым ужасом. В первые минуты после того, как она пришла в себя, она не могла вымолвить ни слова. Позднее она рассказала, что видела свое собственное лицо — огромное, в рубцах. Она чувствовала, как что-то жжет ее изнутри, ей хотелось сорвать с себя кожу, выдрать волосы, расцарапать лицо, но больше всего — покончить с собой.

В ЗЕРКАЛЕ — ЧУЖОЕ ЛИЦО

Средства, воздействующие на психику, как и любое лекарство, могут быть полезны только в надежных руках медиков, которые руководствуются прежде всего интересами здоровья человека. Если же на первый план выдвигается прибыль, эти лекарства могут представлять большую общественную опасность.

Ежегодно в США тысячи фармацевтических компаний выпускают тринадцать миллиардов доз успокаивающих лекарств и лекарств-возбудителей. Одни только средства против бессонницы в прошлом году принесли американским предпринимателям от медицины шестьдесят миллионов долларов.

Как известно, в августе 1962 года американская кинозвезда Мерилин Монро выпила за один прием сто доз снотворного средства — пентабарбитала — и не проснулась. Ее смерть — не исключение: в том же году три тысячи американок покончили жизнь самоубийством, применив тот же самый способ. И эта серия самоубийств не уменьшается.

Теперь на первый план выдвинулось ЛСД.

Его история началась 16 апреля 1943 года, когда молодой швейцарский химик Альберт Гофман, изучавший болезнь ржи — спорынью, почувствовал приступ странной болезни.

Вот что он записал в своем журнале: «Я лег на кровать в состоянии полузабытья. Мне представлялись какие-то кольца, лучи, облака, круги. Они причудливо сплетались, перекрещивались, постоянно меняя окраску. Я видел голубые звезды, падающие с неба на бесчисленные крыши какого-то испанского города. Я перестал ощущать свое тело, потерял всякое представление о времени и пространстве».

Когда на следующий день Альберт Гофман проанализировал случившееся, он вспомнил, что как раз накануне он держал в руках пробирку с веществом, вы-

Забавные мелочи

РЫБОЛОВНОМУ СНАРЯДУ 5 000 ЛЕТ

На реке Воронеже, под городом Мичуринском, в толще речных наносов на трехметровой глубине был обнаружен рыболовный закол — снаряд для ловли рыбы. Он изготовлен из многих сотен оструганных кремневым ножом узких деревянных лучинок, расположенных параллельно с просветом в один сантиметр. Длина каждой лучинки — свыше 2 метров. Как установлено, это сооружение сделано в третьем тысячелетии до нашей эры.

Находка такого исторического рыболовного приспособления — первый случай в Советском Союзе.

В. ЛЕВЕНОК

РЕДКИЙ ЦВЕТОК

Кактус «царица ночи» очень редко цветет в оранжерейных условиях и почти никогда — в домашних. А вот у Малешиных, страстных цветоводов из Петродворца, кактус цветет второй год подряд. Хозяйка дома объясняет это тем, что кактус поливают талой водой, которая, по ее мнению, стимулирует рост растения.

«Царица ночи» раскрылась всего на несколько часов. Цветок, который вы видите на снимке, был особенно красив после полуночи.

Г. СНЫТКО

Девушка из Голливуда хотела стать счастливой

Кошка испугалась мыши

Таблетки оказали свое действие: американский юноша танцует с собственной тенью

деленным из грибка злаковых культур. Может быть, ничтожно малое количество этого вещества попало на губы Гофмана? Ученый решил проверить свою догадку. Он принял четверть миллиграмма полученной жидкости. Действие вещества повторилось, при этом оно было еще более странным и причудливым: Гофман чувствовал приступы безудержного веселья, все окружающие люди представлялись ему карликами.

Так был открыт ЛСД — галлюциноген, средство, вызывающее галлюцинации. Гофман представил официальный отчет о своей работе.

С тех пор было проделано более двух тысяч экспериментов. Опыты на животных дали неожиданные результаты: кошка, например, начинала пугаться мыши, паук ткал паутину такой сложной и совершенной конструкции, что она казалась построенной при помощи математических расчетов.

Лекарство, неизвестное широкой публике, вызвало огромный интерес психиатров. Профессор Делей попробовал давать его в малых дозах душевнобольным. В результате некоторые из них на несколько часов смогли вернуться к нормальной жизни, другие начинали рисовать фантастические, живописные полотна. Когда действие лекарства прекращалось, больные возвращались в прежнее состояние. Люди, подвергнувшиеся действию ЛСД, утверждали, что, когда они смотрели в зеркало, они видели там не себя, а совсем другое, чужое лицо.

СОЛДАТЫ БРОСАЮТ ОРУЖИЕ

Галлюциногеном заинтересовались военные круги западных стран, рассматривая его как возможное оружие в будущей войне. В Англии был снят фильм, рассказывающий о маневрах батальона, все солдаты которого подверглись воздействию крошечных доз ЛСД.

Через сорок минут после приема лекарства солдаты перестали выполнять приказы офицеров, покинули боевые порядки, бросили оружие. Некоторые из них в страхе залезли на деревья, большинство испытало припадки безумного смеха.

По мнению журнала «Пари-матч», американские военные круги рассматривают ЛСД как мощное оружие, которое позволит оккупировать вражескую страну без единого выстрела. Порошок ЛСД без запаха и вкуса, распыленный в воздухе, растворенный в питьевой воде, введенный в продукты питания, по расчетам военных, может нейтрализовать население и армию.

До 1955 года никто, кроме психиатров и военных, не знал о существовании ЛСД. Дело получило широкую огласку совершенно случайно.

Вице-президент банка Моргана Гордон Вассон, не только крупный финансовый босс, но и большой любитель этнографии, в 1956 году совершил путешествие по глухим провинциям Мексики. Там-то он в нескольких индейских деревушках и столкнулся со своеобразным культом священных грибов, вызывающих видения. В экспедицию был срочно включен крупный специалист по грибам, французский профессор Роже Хейм. Он был знаком с работами Альберта Гофмана и очень заинтересовался таинственными грибами. Они оказались типичными галлюциногенами. Когда химики выделили из мексиканских священных грибов активное вещество, оно оказалось давно знакомым ЛСД!

Но печать, радио, телевидение уже схватились за сенсационную новость: «Магические обряды мексиканцев». Действие грибов сравнивали с силой сказочного корня мандрагоры. Писатели и журналисты находили в них объяснение кровавым обрядам ацтеков и откровениям ведьм средневековья.

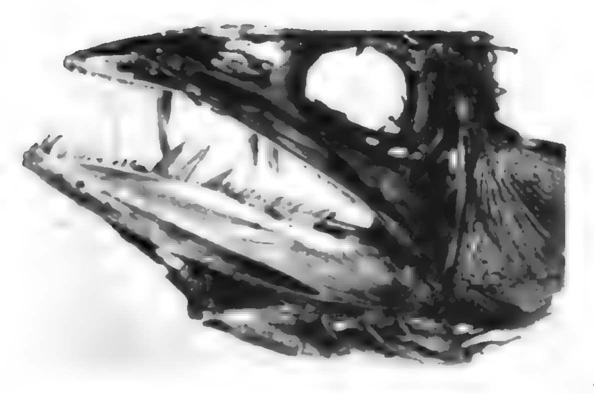
Мексиканские грибы стали модой. Чтобы попробовать их, богатые, пресыщенные американцы готовы были платить любые деньги. Но ЛСД из забавы богатых снобов превратился в реальную общественную опасность, как только секрет его синтетического получения попал в руки дельцов.

Анализы, которые провели специалисты-химики, показали, что массовое употребление ЛСД приводит к тому, что все большее и большее число молодых людей оказывается в психиатрических больницах. За последнее время госпиталь Бельвю в Нью-Йорке зарегистрировал 78 случаев безумия, причина которого ЛСД.

Гангстеры — торговцы опиумом и другими наркотиками быстро пронюхали, какие прибыли сулит им торговля ЛСД. Один грамм этого средства приносит прибыль в двадцать тысяч долларов — в 250 раз больше, чем любой другой наркотик. Ради этого стоит рискнуть жизнью и здоровьем других людей. Тем более, что официально в список запрещенных наркотиков ЛСД не включен.

Тим Лири, один из апостолов ЛСД, цинично заявил: «Симптоматично, что открытие ЛСД в 1943 году почти совпало с созданием атомной бомбы».

Стремительное развитие науки, ее фантастические успехи сами по себе еще не делают человечество счастливым. Все дело в том, в чьи руки попадают великие научные достижения. Это высказывание одного из видных ученых Запада невольно приходит на ум, когда рассматриваешь фотографии, публикуемые на этих страницах.

АЛЕПИЗАВР

В северной части Тихого океана живет рыба алепизавр, по форме напоминающая змею.

Однажды скелет такой рыбы, видимо, выброшенный на берег штормом, нашли на одном из островов Курильской гряды. Недавно дальневосточным ихтиологам удалось подстрелить из ружья эту редкую жительницу океана.

О. РУМЯНЦЕВА

КОСМИЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СТОЛЕ

Автору этих фотографий Николаю Васильевичу Щеглову — под шестьдесят лет. Он служил офицером на флоте, работал художником и фотокорреспондентом в военных газетах. Сейчас Николай Васильевич живет в Краснодаре.

В последнее время он очень увлекся фотографиями на космические темы. Дома у него целый склад сделанных им всевозможных атрибутов, которые он использует при съемках. Здесь макеты космических кораблей и лунных станций, фигурки космонавтов и их доспехи, модели различных планет. Вот на обыкновенный стол водружаются таинственные скалы из обломков кирпичей, ставятся миниатюрные ракеты, устанавливается щит с изображением Земли и звезд — и перед вами картина освоения Луны.

Галя Константинова волнуется: осталось всего пять минут.

Теперь надо сохнуть.

СОВРЕМЕННЫЕ

Во Дворец спорта приехал салон.

Г. ВЛАДИМИРОВА

Фото Риммы ЛИХАЧ.

Кто из женщин не испытывал на себе чары парикмахерского искусства!

Сегодня мы коснемся некоторых тайн рождения женской красоты, свидетельницами которых нам посчастливилось быть. Совершались они не за матовыми дверями салонов. Перевоплощение происходило под пристальным взором многочисленных зрителей, заполнивших полукружье амфитеатра. На арене московского Дворца спорта «Крылья Советов» вместо боксерского ринга появились легкие туалетные столики с зеркалами. Пятьдесят один столик и пятьдесят одно кресло. Ровно столько же девушек восседали в креслах под разноцветными пелеринками, и ровно столько же молодых мастеров в белых халатах держали наготове расчески.

Председательствующий засек время, и состязание, самое необычное из всех, которые когда-либо проводились под шарообразным куполом дворца, началось.

Где-то в отдельной комнате сидит жюри. Никто из его членов не должен видеть, что творится здесь, на арене. Потом, когда истечет положенное время и мастера уйдут, жюри осмотрит модели и произнесет свое беспристрастное слово. А сейчас по рядам меж столиков степенно двигаются ветераны парикмахерского дела. Придирчиво приглядываются, совещаются, делают в блокнотах какие-то пометки. Старейшины не простят, если обнаружится предварительная подготовка к прическе, не забудут, если окажется плохо «проработанным волос», не пропустят ни малейшей небрежности. Словом, все идет как на настоящих соревнованиях. Зорки судьи. Тикают часы на столе. Не менее темпераментны, чем на стадионе, болельщики. Пошла работа, и амфитеатр то затихал, то взрывался аплодисментами.

Демонстрация моделей превратилась в красочное зрелище. Играл джаз. Ах, сколько в Москве красивых женщин! Блондинки и шатенки, огненно-рыжие и брюнетки. Почти не было искусственной седины и кричащей лиловости. В моде ныне естественные тона. Не попадались и мощные начесы, напоминающие башни. Воздушные, свободно падающие волны, легкие, очень крупные локоны. «Да это же рококо!» — воскликнул кто-то. Но тут же послышались возражения: «Нисколько! Силуэт иной, мягко обрамляющий лицо, пышный на затылке». Современный стиль — короткая стрижка.

Как же трудно пришлось дамским мастерам, как надо было им изощряться, чтоб не повторить

СКОЛЬКО ФАНТАЗИИ И УМЕНИЯ В КАЖДОЙ ИЗ ЭТИХ ПРИЧЕСОК!

ФИГАРО

друг друга, изобрести свое чудо. Какая должна быть у них богатая фантазия!

— И знания! — добавил Семен Семенович Фельдман. Полвека простоял он у парикмахерского трельяжа.— Наша профессия творческая. Думай. Все время придумывай. Видите Галю Константинову? Она под семнадцатым номером работала. Моя ученица, между прочим. Так вот, Галя — медалистка средней школы. Способная.

Номер семнадцатый, раскрасневшийся от волнения, стоял среди других виновников торжества, сбившихся позади судейского стола.

Что скажет жюри?

И пока судейская коллегия и жюри совещались, мы наводили справки. Добрая половина всех участников IX конкурса парикмахеров Москвы имеет полное среднее образование. Мастера увлекаются литературой и искусством, часто посещают музеи, кино и театры. Невольно вспомнился далекий предшественник нынешних парикмахеров. Бессмертный севильский цирюльник Фигаро при случае заменял хирурга и фармацевта, легко сочинял стихи и перекладывал их на музыку. Графу Альмавиве трудно было состязаться с остроумным, веселым и находчивым Фигаро!

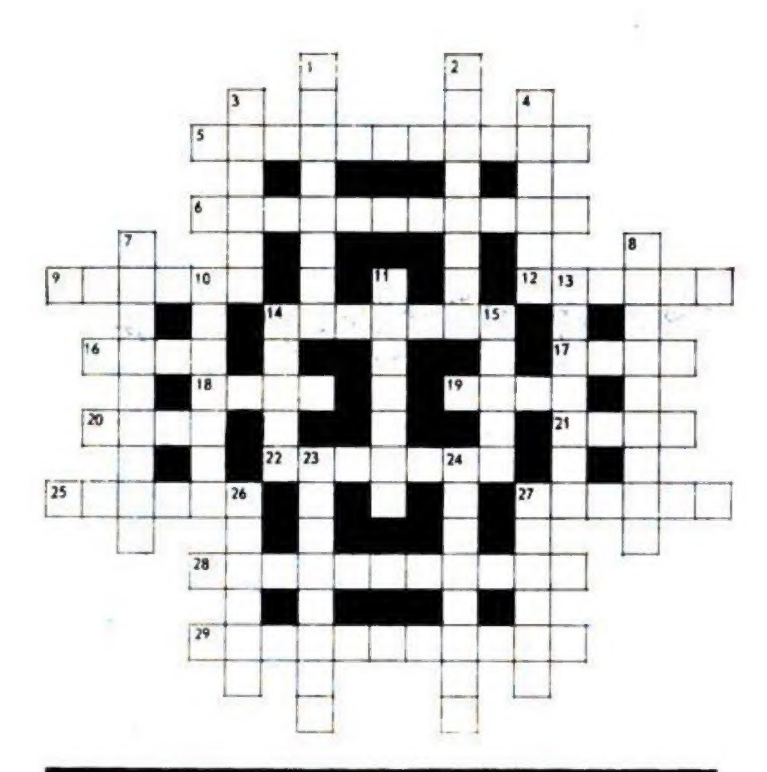
...К пьедесталу почета Галя Константинова шла растерянная. Нервно теребила цветы и только что врученный диплом. Лариса Кондрашова чувствовала себя более спокойно, поднялась на ступеньку уверенно, будто та только и ждала ее. Светлана Ширяева не сразу поняла, что назвали именно ее. Пришлось фамилию повторить, тогда она заулыбалась, побежала. Весь зал приветствовал победителей.

Очень хорошо, что проводятся в нашей столице такие конкурсы. Не настало ли время перейти от московских к всесоюзным соревнованиям парикмахерского искусства?

Старейшины спорят.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Государство в Европе. 6. Русская женщина-математик. 9. Спортивный снаряд. 12. Река, впадающая в море Лаптевых. 14. Английская разменная монета. 16. Вечнозеленое дерево или кустарник. 17. Путь следования корабля, самолета. 18. Автор поэмы «Двенадцать». 19. Вид топлива. 20. Повесть И. С. Тургенева. 21. Приток Печоры. 22. Основная корпусная часть машины. 25. Заплечный вещевой мешок. 27. Французский живописец XVIII века. 28. Персонаж комедии А. Н. Островского «Лес». 29. Талон на право посещения театра.

По вертикали:

1. Итальянский поэт эпохи Возрождения. 2. Тарельчатая тыква. 3. Лодка у индейцев. 4. Штат в США. 7. Певчая птица. 8. Созвездие северного полушария неба. 10. Рыба семейства лососевых. 11. Учащийся высшего учебного заведения. 13. Словарный состав языка. 14. Цветок. 15. Атмосферное явление. 23. Литовский народный музыкальный инструмент. 24. Город в Японии. 26. Актер Московского Художественного Академического театра. 27. Деталь затвора фотоаппарата.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 21

По горизонтали:

5. Островский. 8. Магнитола. 10. «Мазепа». 12. Осетр. 14. Свайка. 18. Плантаж. 19. Пантера. 20. Гальхепигген. 23. Забелин. 24. Линотип. 25. Лаплас. 29. Конда. 30. Бухара. 32. Плацкарта. 33. Свиристель.

По вертикали:

1. Есенин. 2. Солодка. 3. Ассам. 4. Фирюза. 6. Сметана. 7. Грамота. 9. Ксилография. 11. Спартакиада. 13. Ванадий. 15. Волхова. 16. Коринка. 17. Камелия. 21. Вельбот. 22. Волопас. 26. Луганск. 27. «Мальва». 28. Укаяли. 31. Апорт.

●

На первой странице обложки: Восемнадцатую весну встречает крестьянка села Конзас Софья Николаева — член полеводческой бригады колхоза «Россия» в Молдавии.

Фото Б. Кузьмина.

На последней странице обложки: «Операция вертолет». Французские специалисты изучают возможности применения советского вертолета-гиганта «МИ-6» для борьбы с лесными пожарами. В пластиковых мешках — три тонны воды.

Фото Г. Гуркова.
Снимок сделан с французского вертолета «Алюэт», которым управлял шеф-пилот компании «Сюд-Авиасьон», рекордсмен мира Жан Буле.

КАК ЭТО СЛУЧИЛОСЬ!

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ «ОГОНЬКА»

Перед вами рисунки, на которых художник Б. Воеводин изобразил начало и конец одной истории. На первом — вы видите гражданина в очках, который делает запись в книгу жалоб столовой. На втором — тот же гражданин направляется в загс с гражданкой, которая, судя по сумке с красным крестом, имеет отношение к медицине.

Что же произошло в промежутке между двумя ситуациями, изображенными на рисунках? Каким образом рассерженный посетитель столовой превратился в счастливого молодожена?

Приглашаем читателей принять участие в конкурсе на лучший рассказ по мотивам рисунков.

Условия конкурса таковы: размер рассказа — не более одной машинописной страницы, а вообще, чем короче, тем лучше.

Срок отправки — не позднее 1 августа 1966 года. Самые лучшие рассказы будут опубликованы.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. **Рукописи не возвращаются.** **Оформление И. МИХАЙЛИНА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 10290. Подписано к печати 25/V 1966 г. Формат бум. 70 × 108⅟₁₆. 2,5 бум. л. Печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 2 000 000. Изд. № 774. Заказ № 1453.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Чтобы я еще когда-нибудь вышла замуж за натуралиста!

Рисунок В. Воеводина.

— Скажите, что нас ждет в этом сезоне!
— Удар, милые, и еще удар!

Рисунок Г. и В. Караваевых.

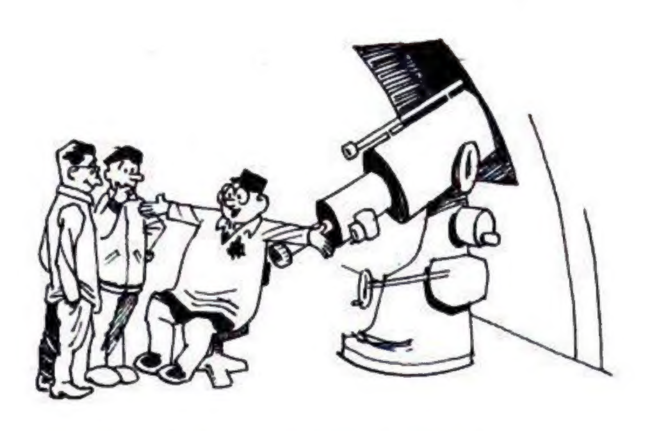

Без слов. Рисунок Б. Боссарта.

Без слов. Рисунок О. Теслера.

Купальный сезон. Рисунок И. Сычева.

— А я вчера вот такую планету открыл...

Рисунок Б. Боссарта.

Без слов.

Рисунок В. Тильмана.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663